

Будущее России: в тисках истории, хаоса и сценариев

А.И. АГЕЕВ

«Будущее будет гораздо хуже, чем нам бы хотелось, но гораздо лучше, чем оно могло бы быть», – заметил современный российский писатель. Много мудрости в этой формуле. В ней есть и ирония по поводу наших чаяний, и понимание таинства рисков, и, главное, доверие к будущему. Но для разработки стратегий на государственном, корпоративном, личностном уровнях этот афоризм ценен как стартовая позиция, но не как методология, тем более технология стратегического управления в современном мире. Важнейшим элементом такой методологии выступает осознание: 1) существования стратегического процесса; 2) цикличности исторической эволюции соответствующих социальных систем и их «зависимости от избранного в прошлом пути», 3) спектра возможных в будущем траекторий эволюции России и внешней среды.

Ключевые слова: стратегическое моделирование российской истории, сценарии развития России, жесткая глобализация, развивающийся глобальный экономический кризис, доминанта сценария регионализации

Стратегии в непреодолимых обстоятельствах

Горделивая самоуверенность людей иногда кроется в их удачно сложившихся индивидуальных судьбах. Но трудно не заметить, что жизни людей, их организаций и даже целых обществ иногда похожи на хрупкие легко сметаемые во время цунами бунгало. Обстоятельства непреодолимой силы характеризуются непредсказуемостью и неподвластны управленческому воздействию. Однако на практике субъекты политики и бизнеса различаются по своей способности принимать в расчет риск форс-мажоров. Особый интерес представляет выявление долгосрочной динамики «повестки дня», в которой концентрированно проявляется осознание правящими элитами стратегических вызовов, встававших перед странами и более широко – цивилизациями как социоприродными системами. Не случайно А. Тойнби заметил однажды, что ключевая причина распада многих империй – неадекватное восприятие реальности их руководящими элитами.

Очевидно, что при всей специфике вызовов разных эпох в ходе их инвентаризации мы обнаружим практически полный спектр вызовов, которые существуют либо во все времена, либо периодически, иногда или одноразово. Сами по себе эти вызовы являются напряжениями (конфликтами) вследствие внешней или вну-

тренней динамики социоприродной системы. На эти проблемы управляющие подсистемы, включая и механизмы самоорганизации, дают свои ответы, как своевременные и эффективные, так и не всегда адекватные и успешные.

Субъект восприятия, оценки вызовов и стратегий ответа на них всегда представляет собой коалицию (сеть) разной масштабности. Эволюция исторического субъекта, как и социальных систем в целом, есть не что иное, как формирование, реформирование, распад разноплановых коалиций. В динамическом разрезе коалиции представляют собой подмножества взаимозависимых видов деятельности, которые комбинируются в результате человеческих решений и развертывания «логики обстоятельств».

Коалиции предназначены уловить эффекты выгод совместной деятельности (синергию). Способом создания и освоения эффекта совместной деятельности является стратегирование. Стратегии возникают либо в ответ на перемены во внешней среде, либо в их упреждение, в стремлении к «управлению будущим». Но сами эти ответы обусловлены сложившимся к данному времени набором правил (ограничений), так же как, например, в игре в шахматы.

Важнейший класс таких ограничений описывается в теории как архетипы. Архетип – это структурный принцип коллективного бессознательного, изначальная, доопытная форма поведения. Он представляет собой глубинные характеристики социальной материи и проявляется в поведении людей, их мышлении, решениях, отношении к реальности.

Стратегии представляют собой процесс поиска траектории переходов от одной структуры коалиций (состояний системы) к другой. При этом стратегии могут соответствовать цивилизационным архетипам либо противоречить им. Успеха достигают, как правило, стратегии первого типа. Но нужно принимать в расчет и наличие множества архетипов в системе, их многоуровневость, антропогенность, неоптимальность структурирования и нескоординированность флуктуаций, периодически приводящих к фазовым переходам. Поэтому сложные системы допускают достаточно широкий коридор траекторий движения в будущее.

Все системы стремятся к положению, где более вероятны незначительные изменения, нежели масштабные, а дезинтеграция субъекта целиком менее вероятна, чем дезинтеграция его отдельных частей. Кроме того, масштаб эволюционных изменений зависит от размера коалиций, вовлеченных в каждое изменение. Соответственно могут возникать такие размерности коалиций, которые заметны, например, лишь в рамках учебного класса; а могут быть и коалиции, от которых исходит риск глобального катаклизма. Современный экономический кризис, в частности, выявил подобного рода коалиции, до определенного времени действовавшие незаметно.

То, что называется спецификой цивилизаций, по сути является набором правил (архетипов), которые предотвращают блуждания по всему пространству решений и траекторий и задают приемлемый в данной системе коридор инновационных фантазий и принципов эволюции данной цивилизации.

Стратегические решения деятельных субъектов нацелены на перевод систем в качественно новое состояние. Объектом стратегических решений могут быть как внутренние, так и внешние параметры системы, но в их основе всегда лежат пред-

почтения принимающих решения лиц, их культура восприятия и интерпретации интересов существующей и ожидаемой коалиции. В зависимости от полноты и алгоритмов учета интересов членов коалиции решения могут быть эгоистическими, самоограничивающимися либо взаимовыгодными. При проведении игроками линии, продиктованной эгоистическими мотивами, ущемляются интересы других игроков, реакция которых способна блокировать не только получение выгод, но и реализацию самих решений. Ситуация, следует заметить, типичная для современной глобальной и внутрироссийской социодинамики. В диагнозах причин мирового кризиса едва ли не все мировые лидеры отмечают «эгоизм» определенных влиятельных кругов. В этом едины и Медведев, и Обама, и Меркеле, и Саркози.

Особый класс решений касается символических сюжетов, связанных с самоидентификацией игроков, выражаемой в религии, науке, искусстве, массовом сознании, культуре делового и политического поведения.

Выбор траектории эволюции зачастую происходит как угадывание лидерами коалиций направленности эволюционных процессов и лишь затем – как попытка их обоснования и отбора. Проблема заключается в том, в какой степени осознанный выбор направления движения будет соответствовать внутренним тенденциям системы, какие усилия потребуются для ее вывода на целевую траекторию и целевое состояние и совпадут ли темпоритмы внешней среды и данной системы. Известно ведь множество попыток направить эволюцию общества насильственно, вопреки естественным законам. Имеющийся в руках некоторых глобальных игроков технологический и экономико-политический потенциал провоцирует их преимущественно на эгоистическое, а отнюдь не взаимовыгодное, поведение. Но масштаб рисков такого поведения сегодня повышает привлекательность стратегий гармонизации интересов.

Основные результаты стратегического моделирования российской истории

Методом последовательных приближений нами были определены и верифицированы 9 ключевых факторов исторической динамики систем страновой размерности: население, территория, природные ресурсы, экономика, наука и образование, культура и религия, вооруженные силы, внешняя политика (геополитическое позиционирование) и фактор управления. Каждый из 9 факторов рассматривается в соответствии с нечеткой четырехзначной топологической шкалой, численные значения которой находятся в диапазоне от 1 до 10. Данный подход к страновой системе может быть представлен в традиционном для линейной алгебры виде как базис пространства, заданного 9 линейно независимыми векторами. Для удобства восприятия применена эннеаграмма, значения лучей которой согласованы с топологической шкалой (рис. 1).

На основе данной модели в 2003–2004 гг. нами был разработан программный комплекс «Россия в пространстве и времени», позволяющий моделировать во всех ракурсах на неограниченном массиве данных прошлое и будущее страны. В 2007 г. на базе данной методологии было проведено исследование текущих и прогнозных статусов интегральной мощи 50 стран мира, в 2008 г. – 100 стран. Данный проект

имеет международный статус и продолжается в настоящее время. Кроме того, в 2006 г. на этой же методологической платформе был создан программный комплекс «Стратегическая матрица компании», успешно применяемый на практике.

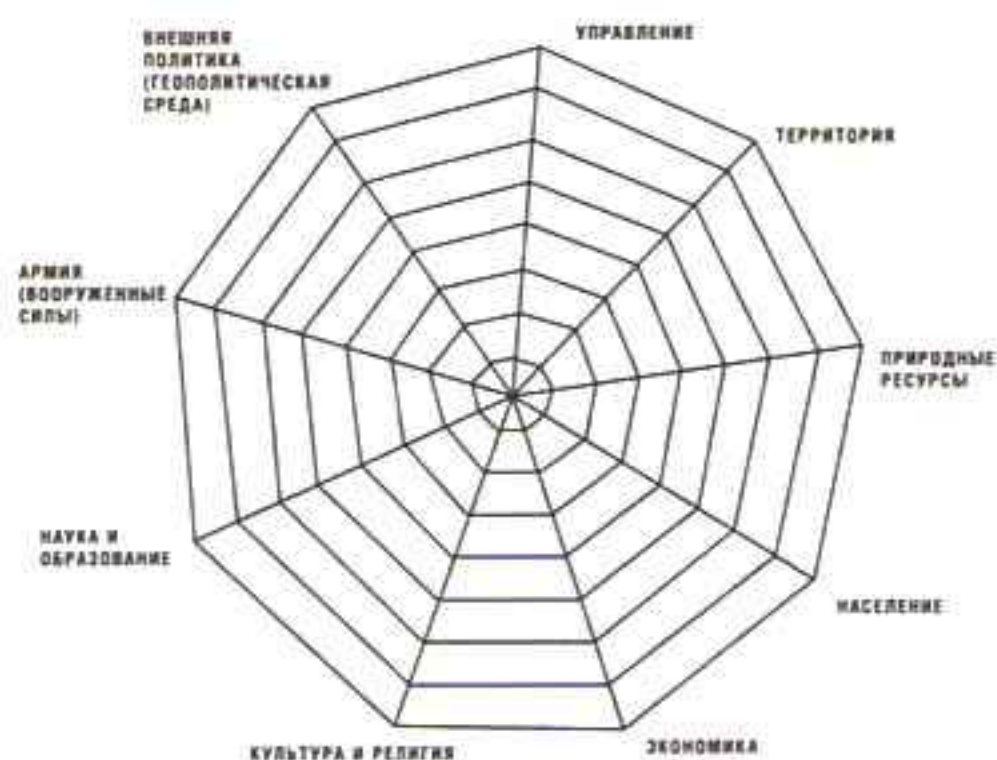

Рис. 1. Эннеаграмма основных факторов стратегической матрицы

Увеличение или уменьшение значений по факторам и по интегральному уровню стратегического потенциала является признаком направленности вектора эволюции на развитие либо на деградацию системы. Соответственно при успешном переходе к новому состоянию социоприродной системы мы имеем случай гармонизации и/или расширения системы, а при провале такого перехода происходит, как правило, уменьшение значений факторов и несогласованность их динамики.

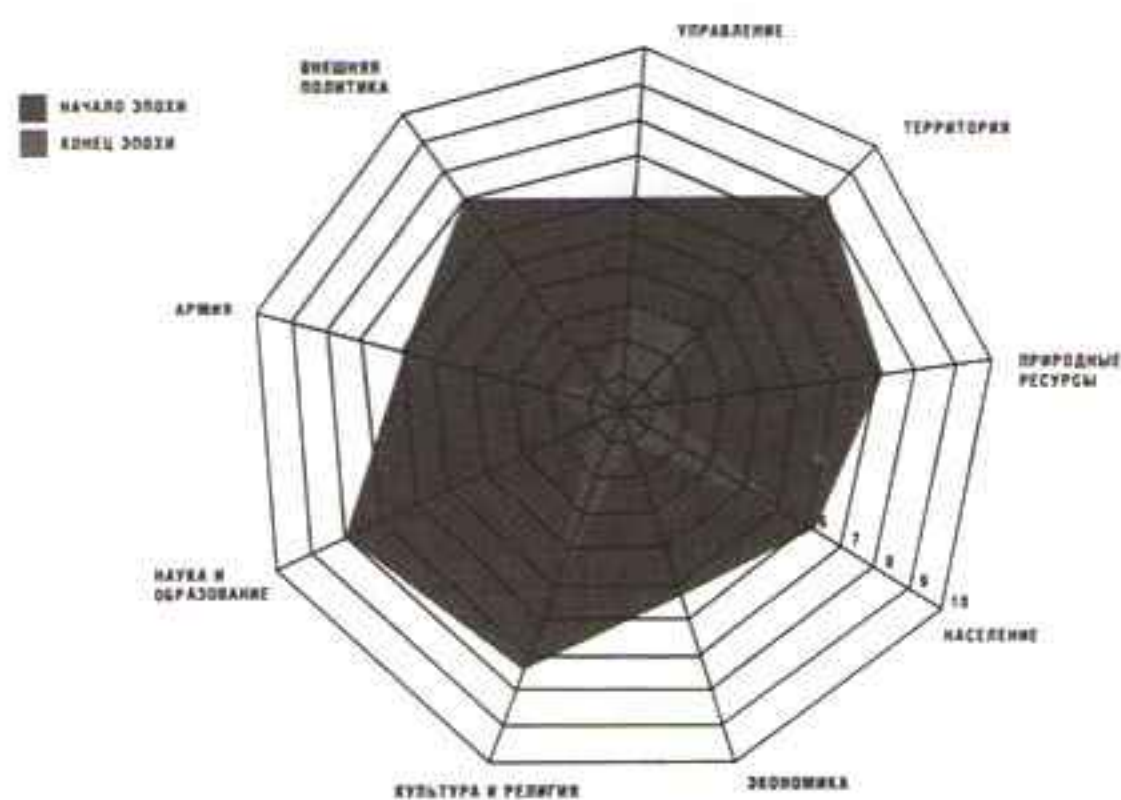

Рис. 2. Стратегическая матрица Российской империи (1837–1917 гг.)

На метафорическом языке последние ситуации описываются как «срывы в архаику», «варваризация», «гибель империи» и т. д. При этом системы вступают в такие переходные состояния периодически, то есть сравнительно устойчивые состояния чередуются с перегибами динамики, периодами существенного неравновесия. Важно и то, что с определенной периодичностью происходят не только изменения количественных характеристик матрицы, но и качественные скачки в

ее развитии. Обнаружение повторяемости таких состояний дает основания для выводов, во-первых, о цикличности эволюции системы, во-вторых, о коридоре будущих эволюций.

Наблюдение за исторической динамикой показывает, что в новой эре для России (в форме различных преемственных государственных и протогосударственных образований) просматриваются пять крупных сверхдлинных стратегических циклов протяженностью примерно 400 лет. Разумеется, уникальны исторические персонажи, портреты событий, игра случая, но вслед за очищением явлений от нюансов времени, места и действующих лиц явно проступают характерные, типичные конфигурации вызовов и псевдовывозов, стоявших перед управляющими элитами страны.

В свою очередь, каждая сверхдлинная 400-летняя волна включает в себя примерно пять 80-летних интервалов. Любопытно, что эту величину длинного стратегического цикла дали не только достаточно консервативные физические оценки социодинамики, учитывающие размерность территории, населения, экономики, климат, устойчивость социальной системы, но и известные демографические представления о законе смены трех поколений за период около 80 лет, а также эмпирическое сопоставление частотности государствообразующих событий российской истории. На некоторые периоды приходится наибольшая амплитуда колебаний всех параметров социальной системы. Это означает, что кризисные явления нарастают, а попытки их разрешения становятся более интенсивными. Подобные кризисные интервалы и разделяют различные циклы, названные нами сверхдлинными и длинными стратегическими циклами.

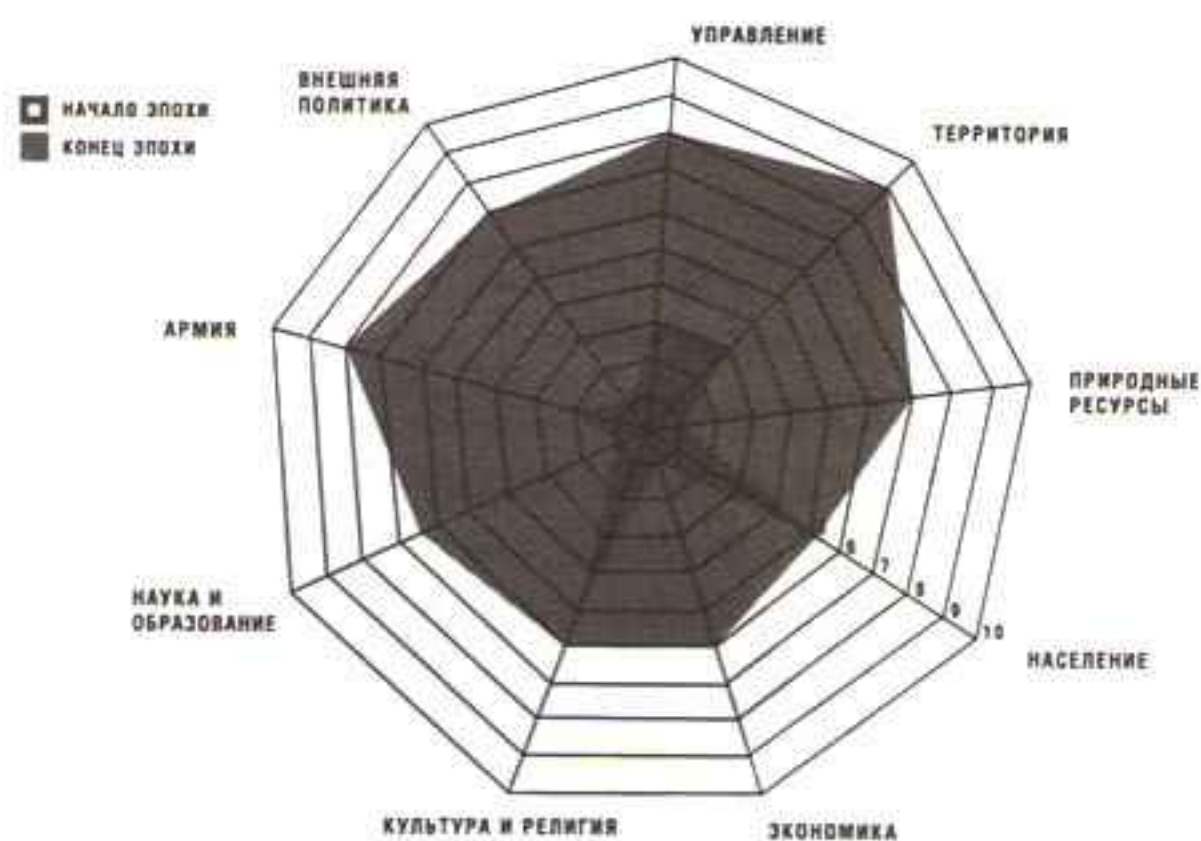

Рис. 3. Стратегическая матрица России (Советского Союза) до окончания Великой Отечественной войны (1917–1945 гг.)

Следует упомянуть, что расчеты стратегических циклов таких стран, как США, Китай, Германия, Великобритания и Франция, показали, что они имеют 60-летнюю цикличность. Это означает, помимо прочего, что на протяжении многих веков России хронически присущ иной ритм появления, восприятия, оценки стратегических вызовов и реагирования на них. «Рывковый» тип российской эволюции, достигающийся на долю некоторых героических поколений, объясняется накоплением за 2–3 периода ощутимого отставания в технологической и институциональной эво-

люции от стран, с которыми Россия экономически и культурно соприкасается (конкурирует). Ослабление страны из-за запаздывания формирования «повестки дня» и выстраивания стратегии развития, как правило, провоцирует внешних игроков на разноплановые попытки подчинения ослабленного и стратегически несфокусированного игрока, каким им представляется в соответствующие времена Россия. А дальнейшее хорошо известно: Россия вновь и вновь ценой невероятных потерь и героических усилий восстанавливает свой цивилизационный и геополитический статус. Таким образом, важнейшая цивилизационная особенность архетипов и дизайна коалиций субъектов России, нашедшая яркое отражение не только в теории, но и в народном фольклоре, – относительно затянутый ритм стратегической эволюции, отлитый в поговорку «тише едешь, дальше будешь».

В некотором смысле страна периодически платит по счетам поколений управляющих элит, возгордившихся своим величием, пренебрегающих кропотливой работой по неустанному приведению целей системы в соответствие с ее возможностями, с динамикой внешней среды. Природа и ход вещей ставят перед системой управления проблемы, вызовы, а управленцы либо способны их адекватно воспринимать, оценивать, выстраивать приоритеты, мобилизовывать ресурсы, идти на отказ от сложившегося к данному моменту формата распределения и присвоения ресурсов страны, либо, как говорится, оказываются не на высоте...

Последний российский 80-летний цикл охватил период с 1917-го по 1998 г. Поскольку не может быть жесткой детерминированности дальнейшей эволюции, то для России сегодня сосуществуют нескольких траекторий возможной эволюции, из которых одна неизбежно станет в ближайшие годы доминирующей. Эти траектории различаются по своим движущим социальным силам, способам взаимосвязи с внешней средой, потенциалу, последствиям развертывания. На поверхности явлений эта фундаментальная множественность траекторий предстает как активные поиски «национальной идеи», борьба нескольких сценариев дальнейшего развития, конкуренция различных секторов и укладов экономики и т. д. Именно эта множественность позволяет ряду аналитиков рисовать самые фантастические картины ближайшего будущего, предлагать скороспелые рекомендации. Отдельные эксперты даже ставят вопрос ребром: будет ли Россия в 2015 г. полем боя... О том, что выбор траектории развития страны проходит отнюдь не в схоластических дебатах, а в жесткой борьбе, откровенно сказал В. Путин накануне президентских выборов 2008 г.

Все вышперечисленное – типичные черты всех начальных фаз длинных циклов российской динамики. Столь же характерным для прошлого была и ограниченность во времени этой фазы «рыскания» во множестве моделей эволюции. Применительно к современной России речь идет о периоде не далее 2012 г.

Исходя из обнаруженной нами общей длины стратегического цикла развития страны и с учетом современного феномена укорочения социальных циклов можно с большой вероятностью ожидать апогея развертывания социальной энергетики и напряженности эволюции России в двадцатилетие после 2010 г. В этот период произойдут масштабные социальные, технологические, научные и культурные сдвиги. Историческими аналогами текущего этапа эволюции России выступает, например, период кризиса династии Рюриковичей и установления новой династии Романовых, стабилизации власти, укрепления религиозных начал и достаточно гармоничное раз-

витие России в 1620–1640-е годы, а также в период конца нэпа и начала индустриализации. С учетом ускорения исторического процесса нам предстоит пережить некий «ремейк» тех времен в весьма причудливом, но и не менее драматичном виде.

Основные риски развития России до 2040 г.

Многолетний проект Международной академии исследований будущего и Института экономических стратегий «Стратегическая матрица России в пространстве и времени» с участием более ста ведущих российских экспертов по основным отраслям науки и с применением одноименного комплекса компьютерного моделирования позволил сформировать системное понимание как ретроспективных, так и перспективных условий и факторов динамики России. Прогнозные результаты этого проекта представляют собой матрицу возможных сценариев эволюции России. Эти сценарии сгруппированы по ключевым факторам модели стратегической матрицы.

Если максимальный объем государственной мощи составляет 10 единиц, то для современной России он равен примерно 6 баллам. Иными словами, Россия сегодня находится на нижней грани статуса великой державы, но с очень несбалансированными факторами интегральной силы. Слабость таких параметров мощи, как научно-технологический базис и структура экономики, демографический потенциал, качество жизни, социально-экономическая справедливость, эффективность государственного управления и общественного самоуправления, внешняя политика, система коммуникаций, вооруженные силы, и ряда других, при сравнительном превосходстве, например, параметров «территория» и «природные ресурсы», однозначно предопределяет транзитность нынешнего состояния страны. Все без исключения подобные несбалансированные профили государственной силы России в прошлом заканчивались на протяжении жизни одного-двух поколений либо социально-политическими коллапсами, либо затяжной вассализацией страны в той или иной форме.

Суть сегодняшней развилки в развитии страны исчерпывающе описывается тремя цифрами: 6; 7,5; 2,3. За ними – тот непреложный факт, что в зависимости от качества стратегических решений, которые будут приниматься государством, бизнесом, обществом в настоящее время, мы, как страна, можем либо подняться до устойчивого положения сбалансированной великой державы (7,5 баллов), либо скатиться на уровень третьестепенного регионально значимого государства (2,3 балла), точнее – некоторого множества государств. Разумеется, итоговые цифры выглядят суховато. Но за ними – весьма конкретное наполнение по всем параметрам интегральной силы. Учитывая, что фундаментом всех элементов государственной мощи являются люди, фактор народонаселения вынесен в отдельный параграф.

1. Фактор территории

На ближайшие 10 лет риск распада российского пространства или снижения де-факто территориального суверенитета не столь силен, как представляется иногда в интеллектуальных дебатах. На этот период равновероятны сценарии широкого и ограниченного партнерства (прежде всего в ближнем зарубежье) и сохранения

статус-кво. Но необходимо отметить, что если динамика страны по остальным параметрам будет ближе к инерционным траекториям, то риск распада страны резко возрастает после 2017 г. Для понимания остроты вопроса нужно иметь в виду, что нами обнаружено более 30 разных проектов фрагментации страны – административно-правовой, политической, экономической, информационной, конфессионально-этнической и т. д.

Причем все это – не только разговоры, а строго прописанные сценарии, даже алгоритмы действий. Сценарии территориальной эволюции России сводятся к пяти вариантам (табл. 1).

Таблица 1. Основные варианты возможных изменений территории России на период до 2040 г.

	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3	Вариант 4	Вариант 5
	Широкая интеграция	Ограниченная интеграция	Статус-кво	Территориальные потери	Распад страны
Наст. время. – 2020 г.	Частичная реинтеграция постсоветского пространства Построение единого экономического пространства Беларуси, Казахстана, России и Украины Возвращение ЕЭП мирового первенства по эффективной площади территории Успешное решение проблемы присутствия в Арктике Развитие стратегических партнерств со странами Южной Америки, Индией, ЕС.	Ограниченная реинтеграция постсоветского пространства (например, если она ограничится только формированием союзного государства с Белоруссией или иных форм партнерства с Казахстаном, новыми республиками на постсоветском пространстве)	Провал курса на интеграцию постсоветского пространства Сохранение российского суверенитета над Дальним Востоком и Калининградской областью	Потеря контроля над Курильскими островами Предоставление особого статуса Калининградской области Активизация действий по вхождению Калининградской области в состав ЕС Утрата текущего статуса российского присутствия в Арктике	Реализация варианта территориальных потерь (4) с более высокими темпами Передача Курильских островов Японии Передача Калининградской области под управление ЕС Подписание меморандума о «совместном управлении» с США, ЕС и Японией территориями Сибири и Дальнего Востока в районах добычи полезных ископаемых
2020–2040 гг.	Формирование союзнических и партнерских зон вблизи образующегося Евроазиатского сообщества	Неустойчивое геополитическое окружение	Сохранение территориального статус-кво	Передача Калининградской области под управление ЕС Потеря контроля над Дальним Востоком, Сибирью, Сахалином и остатками Курильских островов Утрата части территории в районе Выборга	Сохранение российской государственности на территории Среднерусской равнины Примерное соответствие границ «карликовой» России границам XVI в.

Вариант первый (широкая интеграция). Существенное территориальное расширение, которое может быть достигнуто не за счет увеличения собственно национальной территории, а путем частичной реинтеграции постсоветского пространства. Возможно также формирование союзнических и партнерских зон вблизи образующегося Евроазиатского сообщества. Реализация этого варианта пред-

полагает возможность достижения сверхдержавного статуса, но не Российской Федерацией как таковой, а сформированным на постсоветском пространстве Евроазиатским сообществом, ядром которого будет являться территория современной России. В то же время полноценная реализация этого варианта без включения Украины, Белоруссии и Казахстана вряд ли возможна.

Вариант второй (ограниченная интеграция). Предполагает ограниченную реинтеграцию постсоветского пространства (например, формирование только союзного государства с Беларусью). Этот вариант, скорее всего, позволит малому интеграционному объединению государств Евразии позиционироваться как великая держава, однако степень устойчивости его к агрессивному внешнему окружению и возможность формирования союзнических и партнерских зон будет существенно ниже, чем в первом варианте.

Вариант третий (статус-кво). Россия не несет значительных территориальных потерь, но вместе с тем планы интеграции постсоветского пространства не реализуются. Этот вариант с высокой степенью вероятности предполагает сохранение высокой агрессивности геополитического окружения России и нарастание внутривнутриполитической напряженности и тенденций сепаратизма на Северном Кавказе, Дальнем Востоке, в Поволжье.

Вариант четвертый (территориальные потери). Россия несет значительные территориальные потери. В этом случае ее статус в территориальном измерении опускается к среднему или нижнему уровню региональной державы.

Вариант пятый (распад страны). Этот сценарий предполагает, что Россия перестает существовать как крупное самостоятельное государство.

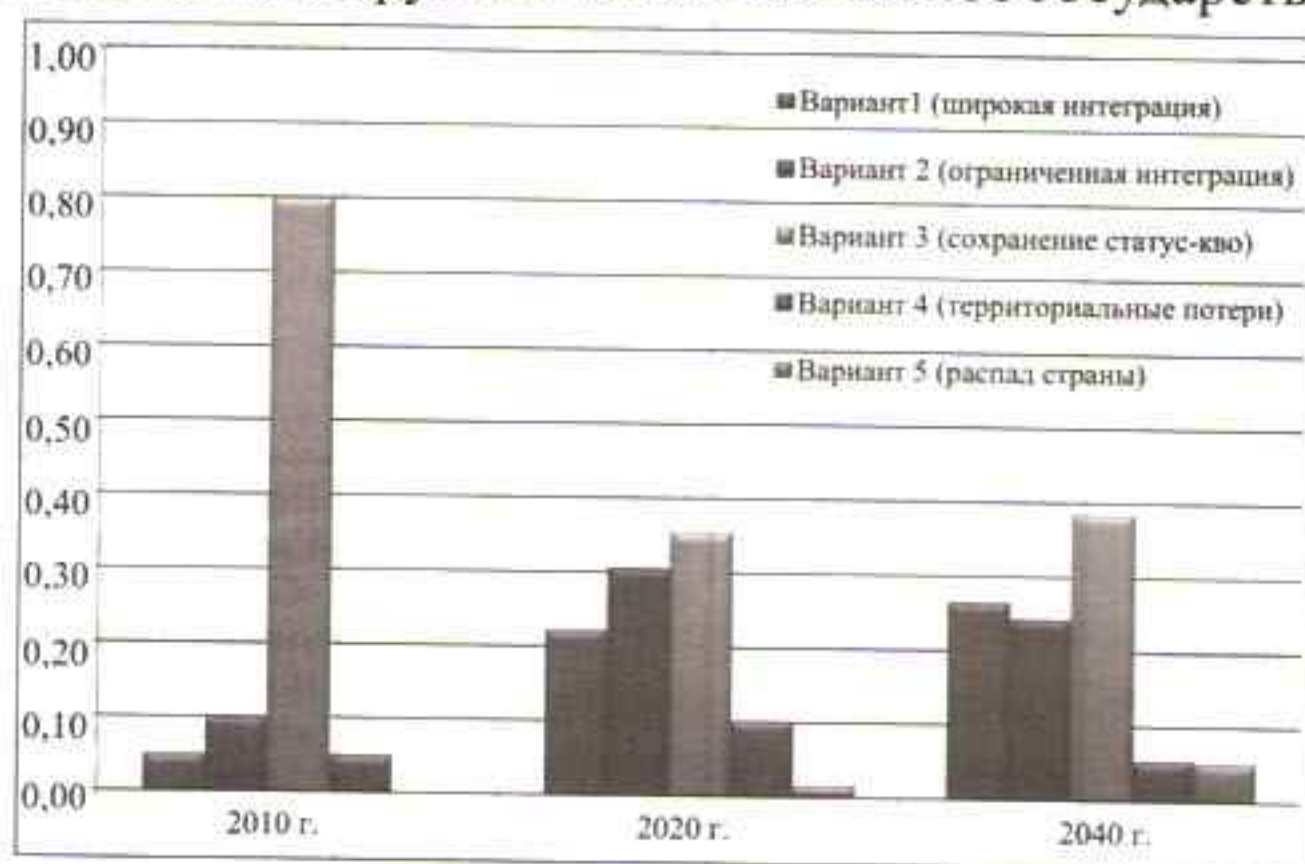

Рис. 4. Вероятности реализации вариантов по параметру «Территория» в период до 2040 г.

Обработка мнений экспертов о вероятности реализации каждого из предложенных вариантов показала, что значения вероятности реализации первого и второго вариантов к 2040 г. достаточно близки (рис. 4). Шансы реализации четвертого и пятого вариантов (потеря Россией значительных территорий и распад страны) в целом экспертами оценены невысоко (по состоянию на начало 2009 г).

2. Фактор природных ресурсов

Сценарии динамики этой подсистемы интегральной мощи России сводятся к пяти вариантам (табл. 2).

Таблица 2. Основные варианты возможных изменений природных ресурсов России на период до 2040 г.

	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3	Вариант 4	Вариант 5
	Комфортный	Субкомфортный	Статус-кво	Истощение	Деградация
Наст. время – 2020 г.	Активизация программ геологоразведки Повышение «экологического» уклона в развитии российской промышленности	Активная политика в области геологоразведки и освоения новых месторождений полезных ископаемых Отказ от активной экологической политики	Низкоэффективная государственная политика в области геологоразведки, ее организация преимущественно в руках компаний-добытчиков Низкая степень внимания общества к экологическим проблемам	Низкоэффективная государственная политика в области геологоразведки Пренебрежение активной политикой в области экологии	Расширение доступа транснациональных корпораций к месторождениям полезных ископаемых
2020–2040 гг.	Улучшение экологического баланса в городах России Применение экологически щадящих технологий при добыче полезных ископаемых Активная геологоразведка и добыча полезных ископаемых в труднодоступных северных и арктических районах	Удовлетворительное состояние в обеспеченности природными ресурсами Сохранение высокой антропогенной нагрузки в районах активной добычи полезных ископаемых Неудовлетворительный экологический баланс в крупных промышленных центрах	Поддержание добычи полезных ископаемых на уровне достаточности для обеспечения собственной промышленности и постепенное уменьшение экспортного потенциала Высокий уровень антропогенной нагрузки на природу страны	Истощение разведанных месторождений полезных ископаемых Деградация экологического баланса	Утрата национального контроля над большей частью месторождений природных ископаемых Формирование зон экологических катастроф на территории России

Вариант первый (комфортный). Нарращивание экспортного потенциала минеральных ресурсов, обеспеченность потребностей российской экономики (или экономики Евроазиатского экономического сообщества в том или ином формате на постсоветском пространстве) на 80–90%, существенное улучшение экологических стандартов жизни населения.

Вариант второй (субкомфортный). Этот вариант подразумевает высокую степень благополучия в сфере обеспеченности минеральными ресурсами, но при значительной антропогенной нагрузке на экологию, особенно в промышленно развитых областях.

Вариант третий (статус-кво). Вариант, при котором позиции России как экспортера углеводородного сырья, ряда других сырьевых продуктов, а также состояние экологии, обеспеченность природными ресурсами не претерпевают существенных изменений.

Вариант четвертый (истощение). Вариант, при котором ранее эксплуатировавшиеся ресурсы истощаются, разработка новых месторождений полезных ископаемых в силу сложных природных условий представляется нерентабельной. Россия вынуждена отказаться от статуса крупнейшего экспортера минерального сырья, а по отдельным позициям ей приходится его импортировать. Экологическая ситуация ухудшается.

Вариант пятый (деградация). В силу территориальных потерь, внутривнутриполитической дестабилизации и экономического упадка утрачивается контроль над значительной частью национальных природных богатств и он переходит к ряду транснациональных корпораций (нероссийского происхождения). Целенаправленная политика в области защиты экологии государством не проводится.

В целом экспертное сообщество проявило завидный оптимизм в оценке перспектив обеспеченности России природными ресурсами. В их оценках с увеличением глубины периода прогнозирования постепенно начинает лидировать вариант комфортного обеспечения России природными ресурсами. После 2040 г. по вероятности реализации он выходит на первое место. Вторым по вероятности реализации вариантом является сохранение статус-кво. Причем по состоянию на 2010 и 2020 гг. именно этот вариант позиционируется как наиболее вероятный, на 2040 г. варианты с первого по третий рассматриваются как примерно равновероятные (рис. 5).

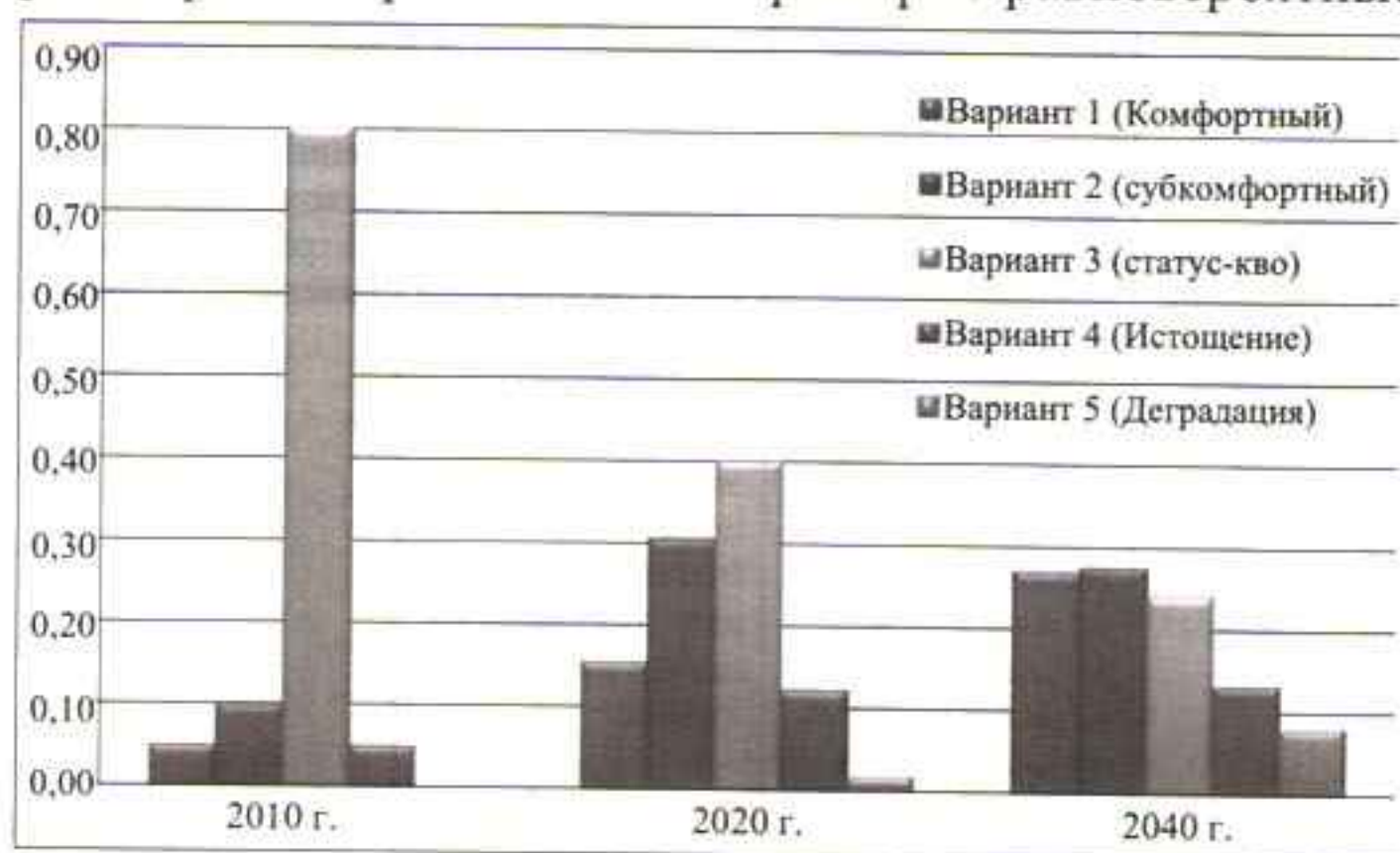

Рис. 5. Вероятности реализации вариантов по параметру «Природные ресурсы» в период до 2040 г.

Таким образом, предварительный анализ показывает, что в обозримой долгосрочной перспективе положение нашей страны, обладающей огромным природным и сырьевым потенциалом, представляется несравненно более выгодным, чем у большинства других стран.

Вместе с тем в области обеспеченности природными ресурсами в XXI в. Россия может столкнуться со следующими вызовами, которые потребуют адекватных управленческих решений. Это, во-первых, сдвиги в технологическом укладе мировой экономики в пользу новых источников энергии. Ответом на этот вызов может быть только активное участие России в разработке передовых технологий использования альтернативных источников энергии, а также освобождение экономики

России от чрезмерной привязки к экспорту нефтегазовых ресурсов. Во-вторых, ускоренное вхождение России в глобализационные процессы и чрезмерное устранение государства от регулирования в сфере добычи полезных ископаемых может привести к утрате контроля над природными богатствами страны и его переходу в руки транснациональных корпораций из США, стран Западной Европы и АТР. В-третьих, особый риск связан с противоречием между статусом России, как одного из природных заповедников мира, играющего ключевую роль в формировании мирового природного баланса, и наличием на территории страны регионов с острыми экологическими проблемами, особенно в западных и южных районах.

3. Экономическое развитие

Из всех возможных вариантов развития экономики России на перспективу основными представляются четыре (табл. 3).

Таблица 3. Основные варианты возможных изменений экономики России на период до 2040 г.

	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3	Вариант 4
	Стагнация	Распад	Устойчивое развитие	Интеграция
Наст. время – 2020 г.	Реализация инерционного варианта развития Вхождение России в ВТО на дискриминационной основе	Реализация инерционного варианта развития экономики Утрата национального контроля над важнейшими отраслями Устойчивая фрагментация экономического пространства	Создание институтов инновационно-прорывного развития России Реализация выгодной конъюнктуры цен на нефтегазовые ресурсы для формирования национальных инвестиционных программ Сохранение конкурентных преимуществ в наукоемких отраслях промышленности	Ускоренная реализация сценария инновационного прорыва для России Широкое воссоздание кооперационных связей промышленных комплексов на постсоветском пространстве для обеспечения ускоренного технологического ренессанса
2020–2040 гг.	Утверждение преимущественно ресурсодобывающего профиля экономики России	Конфедерализация территории страны с разделением регионов на ресурсодобывающие и обеспечивающие транспортные коридоры для доставки природных ресурсов для стран ЕС и Азиатской торговой-экономической зоны с центром в Китае	Утверждение России в качестве одного из мировых лидеров инновационного развития Широкое внедрение в народное хозяйство новейших энерго- и материалосберегающих технологий Отказ от тесной интеграции экономик стран – членов СНГ	Реализация сценария инновационно-прорывного развития для Единого экономического пространства (ЕЭП)

Вариант «стагнация» базируется на предположении о том, что Россия, утратив остаточные позиции в высокотехнологичных отраслях промышленности, в первую очередь в машиностроении, постепенно до 2040 г. откатывается на позиции сугубо сырьевого придатка западного мира и Китая; при этом в промышленном производстве дееспособными остаются только несколько отраслей, связанных с переработкой сырьевых ресурсов (металлургия, химическая, нефтеперерабатывающая промышленность). Этот вариант подразумевал изначально

быстрое и потому дискриминационное вхождение в ВТО, с условием отказа от естественных конкурентных преимуществ крупнейшего добытчика нефтегазовых ресурсов и согласия на выравнивание энергетических тарифов, цен на топливо с общеевропейскими и т. д. В 2009 г. в условиях глобального кризиса и нарастания протекционизма Россия резко изменила формат своего участия в переговорном процессе, сделав правильную ставку сначала на создание зоны свободной торговли с Беларусью и Казахстаном и возможное последующее согласованное вступление в ВТО. В такой стратегии учитываются риски возможной модификации и собственно механизмов ВТО.

Экономическое положение страны в сценарии «стагнация» не позволит ей серьезно решать проблемы демографии и существенно уменьшит оборонный потенциал. Этот сценарий также предполагает тенденцию утраты национального контроля над природными ресурсами страны и практически полного перехода их в ведение транснациональных корпораций по согласованной между ними схеме.

Второй вариант (распад) учитывает процесс глобализации в мировой экономике. Развитие глобализационных проектов практически воспроизводит первый вариант сценария с конечным результатом утраты Россией статуса великой державы, ее распада как крупного целостного государства. Распад России может быть связан и с общим сценарием регионализации мировой экономики, обострением торговых противоречий между крупными экономическими блоками в Европе, Западном полушарии и Восточной Азии. По существу экономика страны де-факто становится разорванной и встроенной в технологические цепочки ряда региональных торгово-экономических блоков и корпораций. Даже в настоящее время ввоз-вывоз продукции в страну и из нее на Дальнем Востоке в разы превышает объем внутренних потоков.

Россия, не сумев сформировать собственную экономическую зону в Евразии и стабилизировать свой статус великой державы, под агрессивным внешним воздействием подвергается распаду на самостоятельные государства. Часть их становится объектом экономической и, не исключено, военной экспансии со стороны крупных военно-политических центров Европы и Азии.

Первый и второй варианты представляют собой пролонгацию сценария инерционно-рыночного развития России, в то время как третий и четвертый подразумевают развитие экономики России по инновационно-прорывному сценарию.

Третий вариант (устойчивое развитие) связан с более жестким отстаиванием национальных интересов России на международной арене, что не исключает вхождения в ВТО на недискриминационной основе. При этом России удастся использовать выгодную мировую конъюнктуру в сфере нефтегазовых ресурсов и сформировать национальные инвестиционные программы, нацеленные на сохранение конкурентных преимуществ в целом ряде наукоемких отраслей промышленности, обеспечивающих в том числе и достаточный оборонный потенциал. В этом варианте Россия находит формы соблюдения собственных интересов в экономическом взаимодействии с Европейским союзом, Индией и Китаем (с формируемым им экономическим сообществом в Восточной Азии). Однако при этом варианте интеграционные проекты на постсоветском пространстве не могут преодолеть

сильного внешнего противодействия и в конечном итоге прекращаются или окончательно принимают форму консультационных форумов.

Предполагается, что в среднем за весь прогнозируемый период около половины вновь создаваемого валового внутреннего продукта (ВВП) России будет получено за счет производства и экспорта нефти и природного газа (не столько в результате увеличения их физического объема, сколько благодаря конъюнктуре мирового рынка); около одной трети – за счет опережающего развития обрабатывающих наукоемких технологий, интеллектуальных продуктов и услуг, знаний и информации; а оставшаяся часть (порядка 15–20%) – за счет активного внедрения в народное хозяйство новейших энерго- и материалосберегающих технологий.

В целом в рамках данного варианта России удастся интегрироваться в глобальное экономическое пространство, однако на правах второразрядного игрока.

Четвертый вариант (интеграция) основывается на ожидании, что процессы экономической интеграции на постсоветском пространстве преодолеют период «детских болезней» и удастся сформировать единое экономическое пространство, в которое войдет значительная часть государств, когда-то уже пребывавших в СССР (минимальный прогноз – Беларусь, Казахстан, Украина, в расширенном прогнозе добавляются Армения, Кыргызстан, Таджикистан). Скорее всего, такое объединение могло бы успешно функционировать на принципах, близких к тем, на основе которых ныне завершается формирование Европейского союза. Преимущества реализации такого варианта очевидны. Надгосударственное объединение евроазиатских государств в этом случае по своему экономическому потенциалу могло бы выйти на уровень, сопоставимый с крупнейшими центрами экономической мощи (США/НАФТА, Европейский союз, Китай с возглавляемой им восточноазиатской зоной свободной торговли, а также Япония).

Оценка вероятностей проявления различных вариантов экономического развития России на период до 2040 г. приведена на рис. 6.

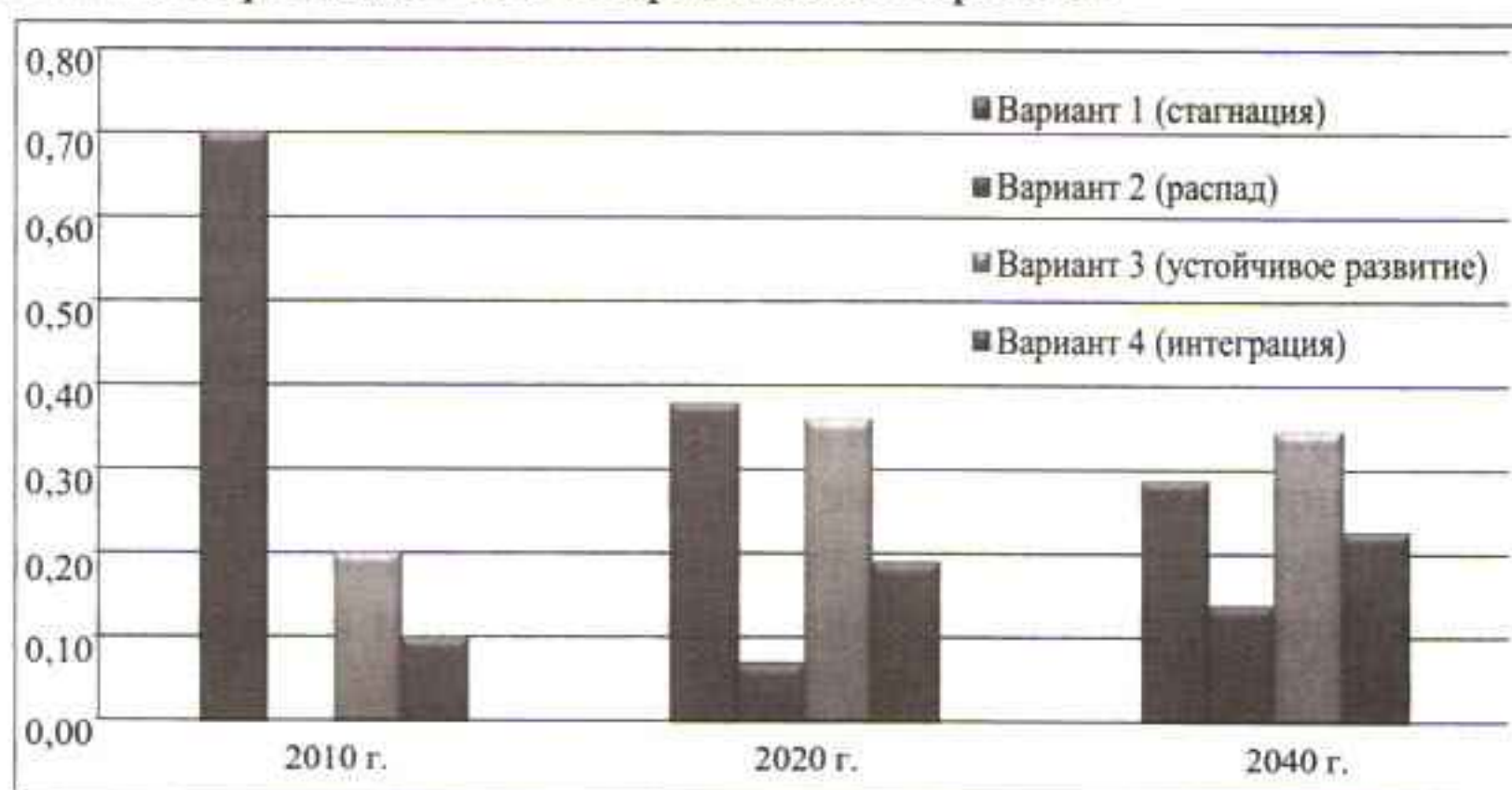

Рис. 6. Вероятности реализации вариантов по параметру «Экономика» в период до 2040 г.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в целом эксперты считают, что к 2040 г. наиболее вероятна реализация первого или третьего вариантов.

В то же время именно первый вариант (сохранение инерционного развития России как страны – сырьевого придатка промышленно развитых стран) является базовым для второго варианта (распад страны и ее деление на несколько экономик, зависимых от крупных экономических центров мира).

Шансы для реализации к 2040 г. второго и четвертого вариантов развития страны (самого негативного и наиболее оптимистичного) показывают примерно одинаковые значения вероятности.

Реализация четвертого варианта наиболее вероятна в период до 2020 г. и наименее возможна начиная с 2040 г.

В конце XX в. ведущие страны мира перешли в фазу формирования постиндустриальной экономики, в которой решающую роль играют нематериальные активы. Россия в этом отношении относится к большой группе стран с так называемым «догоняющим развитием». В России сейчас не более 200 предприятий из более чем 4 млн юридических лиц ведут бизнес по параметрам, совместимым с требованиями международных стандартов качества. Масштаб экономических потерь из-за некомпетентности фирм и государства в сфере капитализации всех активов, в особенности нематериальных, существенно превышает потери от оттока капитала. К сожалению, Россия в последние годы все еще развивалась по инерционному сценарию, не в силах отказаться от традиционных сырьевых приоритетов. Попытки освоить инновационный сценарий пока нерегулярны, неконкретны, зачастую носят характер популистских лозунгов, а не серьезных намерений.

4. Культура и религия

Прежде всего следует учитывать, что население страны в настоящее время по культуре поведения и связанным с нею системам ценностей, по сути, расслоилось на три группы. Тех, кто использовал возможности последнего 15-летия, в стране 7%. Это не только известные люди из списка «Форбс» и более 100 тыс. официальных долларовых миллионеров в стране – это целая страта из более чем 10 млн граждан. Еще треть смогла сохранить прежний стандарт жизни, но ценой более интенсивного труда (это примерно 45 млн человек). И более половины населения, более 70 млн человек, никак не могут приспособиться к новой жизни. Это не только реальная стратификация общества, но и поведенческие образцы, три разных типа культуры, ценностей и устремлений. Именно такие социальные структуры провоцировали социальные кризисы, в которых, пока «господа боролись за свободу, мужики боролись с господами». А главное – речь идет о трех разных обликах России, трех представлениях о будущем и социальной базе сценариев развития.

При этом результаты моделирования исторической динамики России показали устойчиво действующий факт: сначала поднимается культура, и только затем происходит рывок в развитии экономическом, военном, технологическом. Это жесткая закономерность нашей истории. И она означает, что на фоне деградации культуры никакие другие факторы не станут сильнее.

Всего выявлено четыре варианта эволюции данного параметра интегральной мощи страны (табл. 4).

Таблица 4. Основные варианты возможных изменений культуры и религии России на период до 2040 г.

	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3	Вариант 4
	Культурный расцвет	Эволюционное развитие	Упадок	Культурная деградация
Наст. время – 2020 г.	Объединение Московской Патриархии и Русской Православной Церкви за рубежом (прогнозный сценарий 2004 г.) Рост влияния среди мусульман традиционного ислама, особенно в регионах с неустойчивой социально-экономической обстановкой Развитие массового спортивного движения и повышение конкурентоспособности российского спорта в мире	Ослабление влияния религиозного экстремизма на развитие социально-политической ситуации в стране	Рост влияния религиозного сектантства, в том числе экстремистского свойства Отсутствие целенаправленной политики развития культурной сферы страны	Отставание российской культуры от темпов развития мировых лидеров Усиление антагонизма между представителями основных религий
2020–2040 гг.	Рост влияния российской культуры на мировые культурные процессы Гармоничное взаимодействие традиционных религиозных конфессий на территории России	Успешное развитие национального кинематографа Упрочение национально-патриотических традиций электронных СМИ Гармонизация отношений традиционных религий	Агрессивное воздействие религиозного экстремизма на формирование социально-политической обстановки в стране Коллапс культурного развития	Острое противоборство между религиозными конфессиями Деградация основных направлений культурного развития

Вариант первый (культурный расцвет) заключается в ожидании, что к 2040 г. Россия существенно увеличит свой вклад в развитие мировой культуры и религии. В этом сценарии, в частности, предполагалось (в 2004 г.) завершение объединения Московской Патриархии и Русской Православной Церкви за рубежом, произошедшее в 2007 г. Также в нем предусмотрен рост авторитета РПЦ в межконфессиональном диалоге.

Традиционный ислам сумеет в основном подавить агрессивные сектантские проявления на территории РФ. Российская художественная культура, кинематограф, театр, другие направления искусства смогут вернуться на передовые мировые позиции. Этот же сценарий связан и с усилением России на спортивной арене, как важнейшей сфере культуры нации.

Вариант второй (эволюционное развитие) строится на предположении, что российская культура и религия к концу века не выйдут на доминирующие позиции в современном мире, однако влияние, оказываемое ими на мировую культуру и религиозное развитие, будут значительны.

Вариант третий (упадок) базируется на предположении об активизации радикальных сектантских движений на территории России. В значительной степени благодаря этому культурное развитие затормозится на уровне «упадочных» показателей конца XX в.

Вариант четвертый (культурная деградация) основывается на том, что противоречия между религиозными конфессиями могут принять формы острого

противоборства. На этом фоне весьма вероятной станет культурная деградация общества.

По оценке экспертов, как наиболее вероятные рассматриваются второй и третий варианты развития культуры и религии в России к 2040 г. (рис. 7). Вместе с тем вероятность первого и четвертого вариантов также достаточно высока, что, с одной стороны, свидетельствует о значительном потенциале российской культуры и традиционных религий, а с другой – о наличии серьезных дестабилизирующих элементов в общении между различными конфессиями.

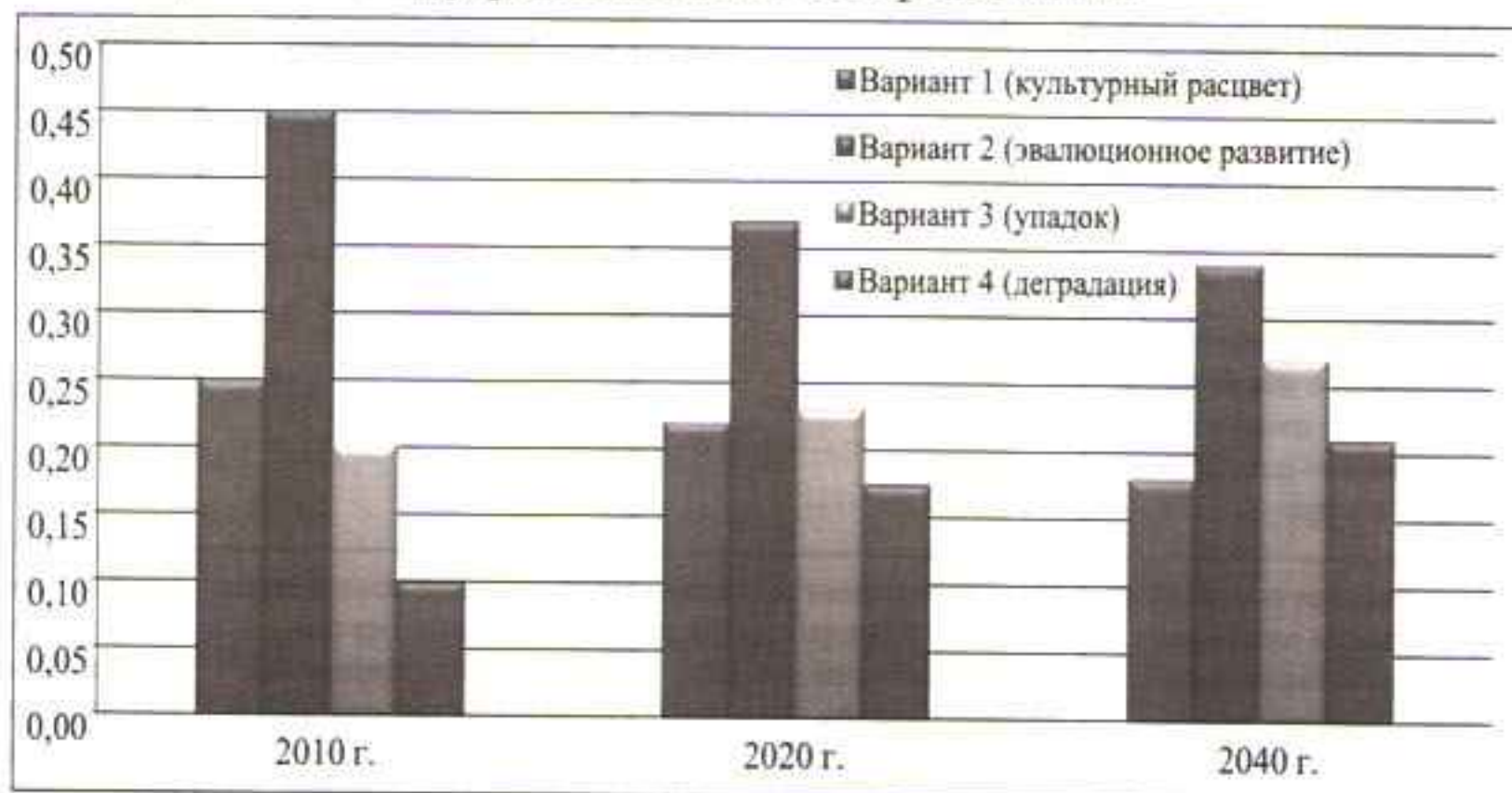

Рис. 7. Вероятности реализации вариантов по параметру «Культура и религия» в период до 2040 г.

5. Наука и образование

Есть два главных пути развития науки и техники в России. Первый предполагает развитие по инерционному сценарию. Это означает, что технологический уровень (средневзвешенный состав технологических укладов) вырастет за полвека примерно на четверть, причем более высокими темпами будут развиваться потребительский сектор (ЖКХ, социальные услуги, пассажирский транспорт и связь), сектор инфраструктуры (особенно торговля), а также финансово-кредитная сфера, управление и энергосырьевой сектор (за счет валютных поступлений от экспорта топлива и металлов). В то же время в инновационно-инвестиционном секторе технологический уровень вырастет всего на $\frac{1}{5}$. Еще медленнее будет расти технологический уровень машиностроения (поскольку возрастет доля импортного инвестиционного оборудования), химической и нефтехимической промышленности. Доля пятого технологического уклада будет увеличиваться преимущественно в отраслях, связанных с экспортом, а также в оборонно-промышленном комплексе, в банковском деле, в сфере управления. К освоению шестого уклада Россия приступит с запозданием, что отрицательно скажется на конкурентоспособности отечественной продукции. Преобладающим останется четвертый уклад, доля раннеиндустриальных и доиндустриальных укладов существенно уменьшится.

Осуществление инновационно-технологического прорыва возможно лишь при активизации роли государства в его осуществлении – путем обоснованного

выбора и последовательной реализации стратегических инновационных приоритетов, создания максимально благоприятного инновационного климата, а главное – непосредственного участия государства в инновационном инвестировании нерыночного сектора и стартовом освоении базисных инноваций в рыночном секторе.

В целом просматриваются четыре основных варианта развития науки и образования в Российской Федерации на период до 2040 г. (табл. 5).

Таблица 5. Основные варианты возможных изменений науки и образования России на период до 2040 г.

	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3	Вариант 4
	Научно-технологическая деградация	Инерционный	Инновационно-технологический прорыв	Инновационно-технологический прорыв в рамках ЕЭП
Наст. время – 2020 г.	Реализация инерционного варианта развития Деградация научных школ Утеря высокотехнологичных производств	Реализация инерционного варианта развития экономики Частичная утрата научно-технических школ	Создание экономических основ инновационно-прорывного развития России Выработка и реализация национальной программы инновационного развития Сохранение конкурентных преимуществ в наукоемких отраслях промышленности	Ускоренная реализация сценария инновационного прорыва для России Тесное взаимодействие научно-технических школ стран – членов ЕЭП
2020–2040 гг.	Утрата возможностей высокотехнологичного развития Деградация системы образования	Сохранение мирового уровня в узком спектре высокотехнологичных производств Утрата мирового лидерства в системе образования	Утверждение России в качестве одного из мировых лидеров инновационного развития Возвращение мирового уровня российскому образованию Развитие передовых научных школ	Построение единой системы фундаментальной и прикладной науки евроазиатского пространства Введение единых образовательных стандартов ЕЭП

Первый вариант (научно-техническая деградация) базируется на предположении о том, что деградация науки и образования будет продолжаться, отставание от ведущих стран усилится и Россия опустится в разряд региональных держав.

Второй вариант (инерционный) предполагает, что инерционное развитие в сфере науки и образования останется преобладающим. При этом России удастся стабилизировать уровень своего присутствия в отдельных областях науки на мировом уровне (космические программы и ряд других), что позволит ей остаться в ряду великих держав (в области науки и образования), однако также будет отмечаться тенденция к снижению развития науки и техники.

Третий вариант (инновационно-технологический прорыв) – России удастся осуществить программу инновационно-технологического прорыва, что позволяет ей подняться до мирового уровня в широком спектре научных исследований. Система образования при этом, естественно, также будет развиваться и достигнет высокого уровня мировых стандартов. Статус России, скорее всего, будет постепенно расти – от великой державы к сверхдержаве.

Четвертый вариант (инновационно-технологический прорыв в рамках ЕЭП) является развитием третьего, но с условием того, что в рамках единого эко-

номического пространства стран СНГ удастся возобновить широкую кооперацию научных комплексов постсоветских стран: это придаст их деятельности дополнительную энергию и будет способствовать привлечению больших ресурсов для развития евроазиатского научного сообщества. В этом случае мы можем ожидать, что статус России, как части Евроазиатского сообщества, будет определяться в «сверхдержавной зоне» спектра государственной мощи.

В целом следует отметить, что на рубеже 2040 г. в равной степени вероятна реализация всех четырех вариантов. В силу этого примерное равенство фиксируется и в оценке того, какое именно развитие – инерционное или инновационно-прорывное – будет характеризовать тенденцию развития науки и образования в этот период. Так же как и по другим параметрам, ключевым станет стратегический выбор на рубеже 2010–2020 гг. В случае, если в этот период сохранится тенденция инерционного развития науки и образования, шансы перейти к инновационно-прорывной модели развития существенно уменьшаются (рис. 8).

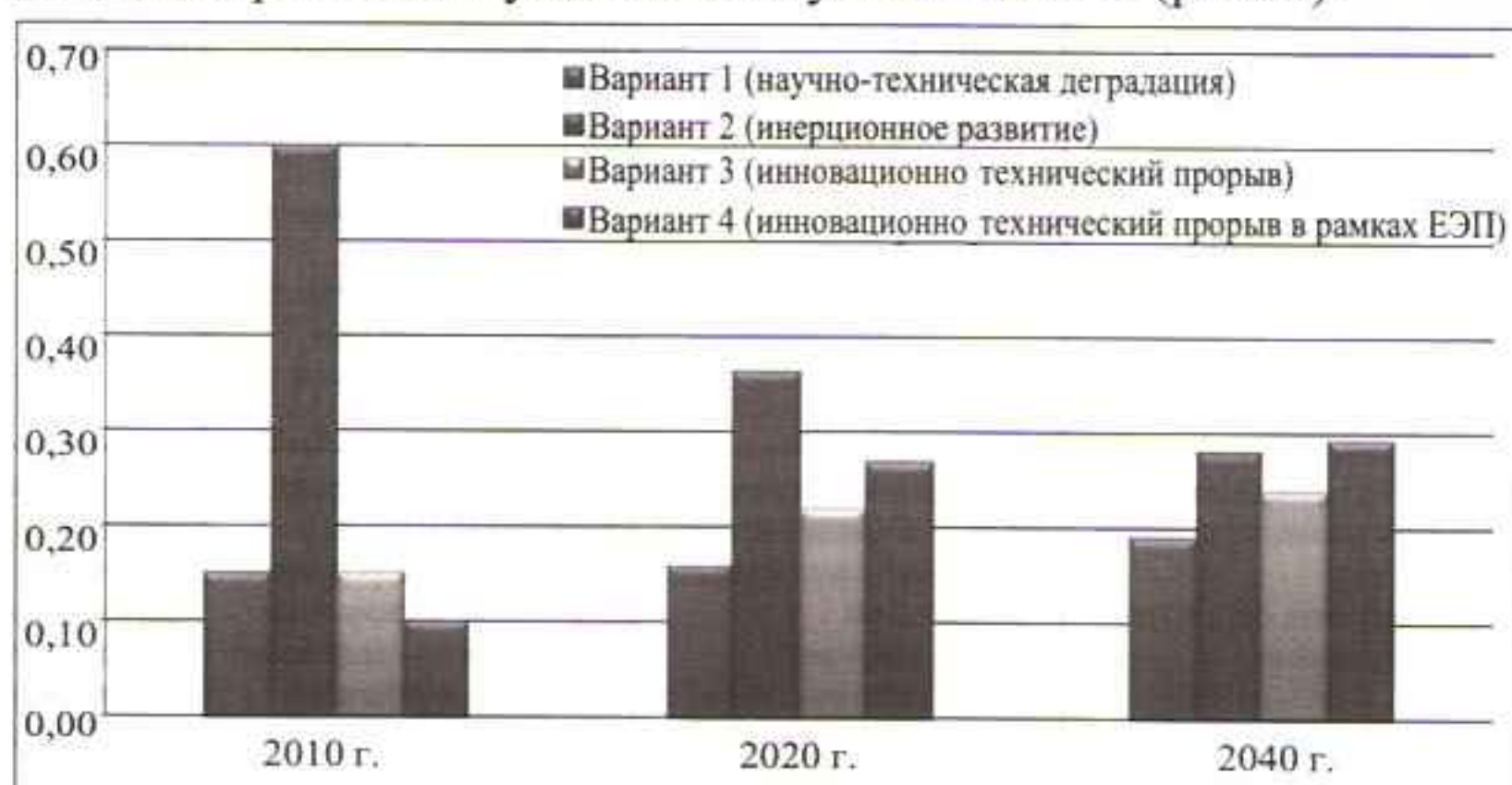

Рис. 8. Вероятности реализации вариантов по параметру «Наука и образование» в период до 2040 г.

6. Вооруженные Силы

В долгосрочной перспективе угрозы военной безопасности России будут носить системный характер и определяться совокупностью одновременно действующих негативных факторов, которыми являются: укрепление и расширение НАТО, появление в непосредственной близости от российских границ иностранных военных баз и военных контингентов, распространение оружия массового поражения и средств его доставки, поддержка США и другими государствами центробежных тенденций в СНГ, возникновение и эскалация конфликтов вблизи государственной границы РФ, территориальные притязания к РФ, деятельность сепаратистских и террористических организаций и др.

В целом в рамках прогноза развития России до 2040 г. по параметру «Армия» были сформулированы четыре основных варианта (табл. 6)

Первый вариант (военная интеграция) строится на предположении о том, что в рамках интеграционных процессов на постсоветском пространстве Россия

совместно с партнерами выстраивает единое евроазиатское оборонное пространство. При этом удастся провести полноценную модернизацию Вооруженных Сил. Россия совместно с союзниками активно ведет разработку новых вооружений мирового уровня, в частности систем управления и связи. В целом по показателю развития Вооруженных Сил страна колеблется в диапазоне между «великой державой» и «сверхдержавой».

Таблица 6. Варианты развития оборонной сферы России на период до 2040 г.

	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3	Вариант 4
	Военная интеграция	Национальная модернизация	Техническое отставание	Одностороннее разоружение
Наст. время – 2020 г.	Активизация военного сотрудничества в рамках Договора о коллективной безопасности стран – членов СНГ Восстановление технологических циклов производства основных систем вооружения и военной техники	Принятие национальной программы сохранения национальных мощностей производства основных видов ВВТ Обеспечение оборонной достаточности на переходный период	Достижение критического уровня физического и морального устаревания вооружения и военной техники Дальнейшее падение престижа военной службы Отказ от военного присутствия в странах ближнего зарубежья	Дальнейшая деградация материально-технической базы Вооруженных Сил Согласие на жесткий иностранный контроль над ракетно-ядерным потенциалом страны
2020–2040 гг.	Формирование институтов единого оборонного пространства стран – членов ЕЭП Переоснащение армий государств ЕЭП новым вооружением и военной техникой по единым стандартам	Проведение полномасштабной модернизации национальных Вооруженных Сил Существенное улучшение условий прохождения и повышение престижа военной службы	Утрата возможностей национального производства ряда критически важных оборонных систем Деградация ракетно-ядерного потенциала	Одностороннее ядерное разоружение Утрата возможностей производства большинства сложных оборонных систем

Второй вариант (национальная модернизация) основывается на допущении о том, что задачу создания единого оборонного пространства решить не удастся. Вместе с тем Россия сохраняет дееспособные Вооруженные Силы, осуществляет национальную программу их модернизации, сохраняет возможность производства большинства современных систем ВВТ. Страна поддерживает ядерный потенциал на уровне оборонной достаточности. По этим показателям статус России будет колебаться в диапазоне «великой державы».

Третий вариант (техническое отставание) предусматривает постепенную деградацию Российских Вооруженных Сил, связанную с физическим и моральным устареванием их вооружения, ухудшением качества подготовки личного состава и укомплектованности. Ядерный потенциал страны будет сокращаться в одностороннем порядке или в соответствии с соглашениями с США по ОСВ, но главным образом в силу отсутствия достаточного финансирования на его модернизацию и внешнего давления. Россия будет все больше утрачивать потенциал национального производства отдельных боевых систем. При нисходящей тенденции развития Российских Вооруженных Сил страна практически займет пограничное положение на уровне региональной державы.

Четвертый вариант (одностороннее разоружение) практически аналогичен третьему, однако подразумевает отказ от ядерного оружия, как элемента стра-

тегического сдерживания, что предопределяет откат России в военном отношении на позиции региональной державы уже к 2020 г.

К концу рассматриваемого периода в равной степени может реализоваться каждый из четырех заданных вариантов (рис. 9). Очевидно, выбор направления движения Вооруженных Сил в основном будет зависеть от тех значений, которые примут другие показатели развития государства, прежде всего факторы управления и экономического потенциала.

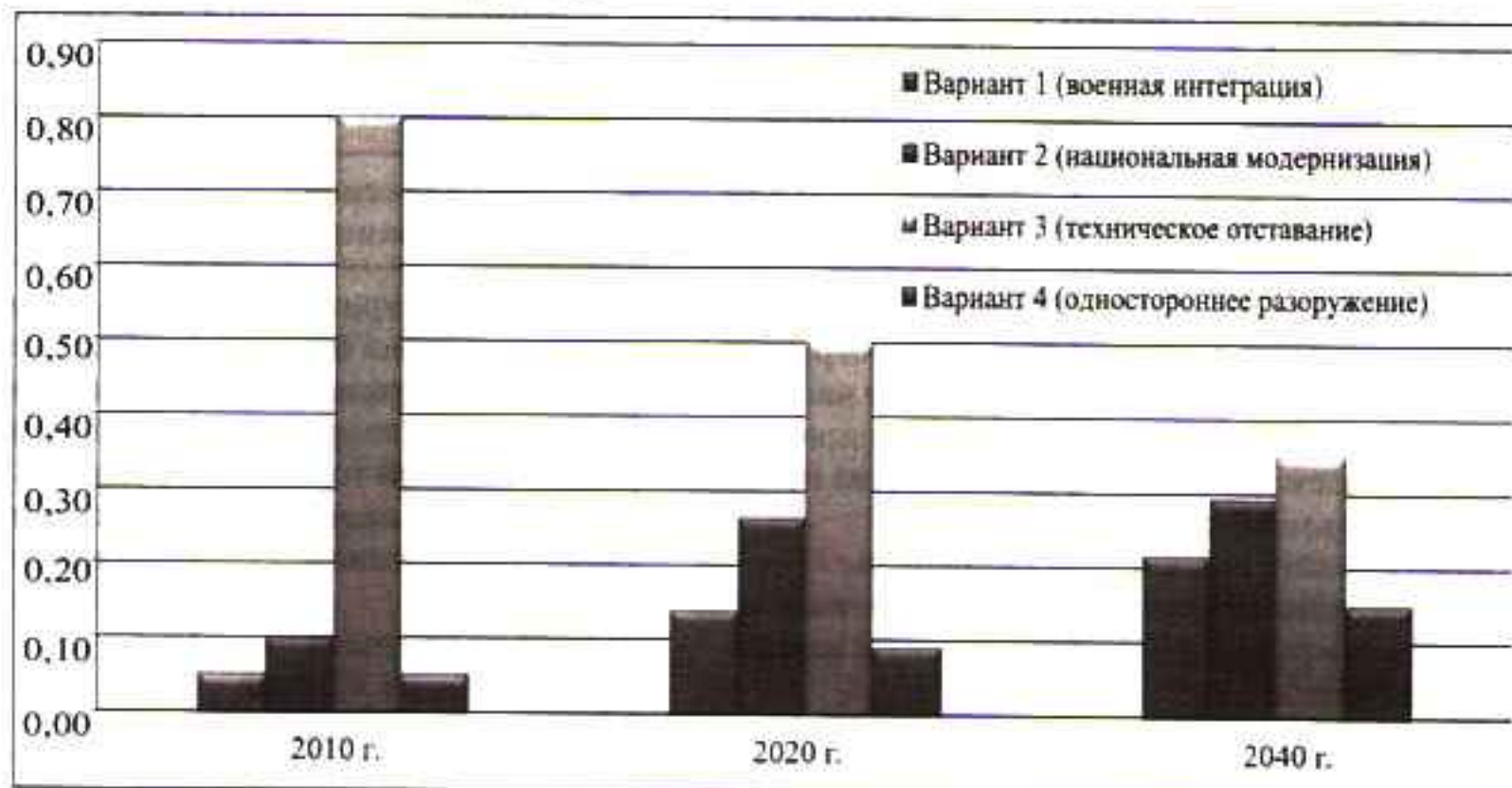

Рис. 9. Вероятности реализации вариантов по параметру «Вооруженные Силы» в период до 2040 г.

7. Фактор внешней политики

Ретроспективный анализ развития России показал еще одну устойчивую тенденцию: в транзитные эпохи показатель внешней политики был намного ниже, чем объективная интегральная мощь страны. Внешнеполитический вектор выбора сегодня – от шанса стать суверенным центром силы, нынешнего осторожного следования стратегии «мягкой силы» до превращения страны во внешнеполитического карлика. При этом следует иметь в виду, что процессы глобализации будут уменьшать влияние собственно государств на сферу финансов и информации и усиливать негосударственные центры принятия и реализации внешнеполитических решений на основе корпоративно-клановых интересов. Наиболее значимыми из последних являются глобальные транснациональные корпорации (ТНК) и патронируемые ими неформальные объединения, а также международные преступные и террористические организации.

Есть четыре сценария динамики внешнеполитической подсистемы России (табл. 7).

Первый вариант (Россия – ключевой игрок мировой политики) строится на предположении, что Россия выдвигается в разряд ведущих держав мира, оказывая решающее воздействие на развитие мировой политики. Российская Федерация успешно реализует свой статус постоянного члена СБ ООН и становится полноценным участником института G8. Растет влияние России в глобальном масштабе.

Таблица 7. Варианты развития внешнеполитической сферы России на период до 2040 г.

	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3	Вариант 4
	Россия – ключевой игрок мировой политики	Реализация ограниченных возможностей	Снижение внешнеполитического влияния	Внешиполитический карлик
Наст. время – 2020 г.	Восстановление престижа России в мировой политике Наступательный характер российской внешней политики в странах ближнего зарубежья	Выстраивание иерархии внешнеполитических приоритетов России Концентрация на решении задач постсоветского пространства	Отсутствие осознанной и последовательной политики в окружающем геополитическом пространстве Концентрация внешней политики на мнимой внешнеполитической активности, выдвижении разного рода мертворожденных «инициатив» Гипертрофированное внимание к соблюдению условий дипломатического протокола	Падение влияния России в системе международных отношений Утрата статуса постоянного члена СБ ООН с правом вето
2020–2040 гг.	Восстановление центральной роли ООН и ее Совета Безопасности в мировой политике	Согласование усилий евразийской политики с другими крупными евразийскими центрами (ЕС, Китай)	Ослабление роли России как постоянного члена СБ ООН Формирование «санитарного» кордона вокруг России из стран постсоветского пространства	Окончательное поражение на постсоветском пространстве Геополитическое окружение преимущественно враждебно

Второй вариант (реализация ограниченных возможностей) базируется на том, что Россия достаточно четко осознает собственные внешнеполитические приоритеты, однако ее возможности по продвижению своих интересов остаются ограниченными, хотя ей удастся успешно отражать атаки на собственный суверенитет. Основные усилия внешней политики России сосредоточены на постсоветском пространстве Евразии.

Третий вариант (снижение внешнеполитического влияния) предполагает относительную слабость внешнеполитической составляющей мощи государства. Россия не в полной мере использует статус постоянного члена Совета Безопасности ООН. Идет постепенная утрата ее влияния на постсоветском пространстве. Атаки внешних сил на суверенитет России усиливаются.

Четвертый вариант (Россия – внешнеполитический карлик) предполагает, что влияние России в системе международных отношений стремительно падает, она утрачивает статус постоянного члена СБ ООН с правом вето. Слабость внешней политики страны провоцирует каскад угроз, включая потерю суверенитета и дезинтеграцию государства.

Расчет вероятности реализации различных вариантов трансформации показателя «Внешняя политика» по итогам экспертных опросов представлен на рис. 10.

Полученные данные свидетельствуют о незначительном разбросе значений показателя «Внешняя политика» к концу рассматриваемого периода, что, видимо, демонстрирует зависимость этого параметра от других данных, прежде всего качества управления.

В целом прогноз развития параметра «Внешняя политика» строится исходя из того, что:

1. Внешняя политика является фактором мощи государства, весьма зависимым от других факторов, прежде всего от «Управления», «Экономики» и «Армии». В то же время успешная или провальная внешняя политика формирует условия функционирования государства в благоприятной или неблагоприятной внешней среде, что оказывает существенное воздействие на формирование всех элементов мощи государства.

2. Утрата Россией сверхдержавного статуса в недавнем прошлом на прогнозируемый период оставляет открытым вопрос о ее дальнейшем внешнеполитическом статусе.

3. В ближайшее время внешнеполитическое положение России будет определяться, с одной стороны, отсутствием явной конфронтации во взаимоотношениях с ведущими мировыми центрами силы, с другой – активным геополитическим наступлением стран Евроатлантического сообщества на интересы России, в том числе на наиболее чувствительном для нее постсоветском пространстве. С хорошим примером глобально скоординированного информационного давления на Россию мы столкнулись в связи с августовской войной на Кавказе.

4. Отсутствие в ближайшем геополитическом окружении России сильных союзников и надежных стратегических партнеров делает ее внешнеполитическое положение довольно неустойчивым.

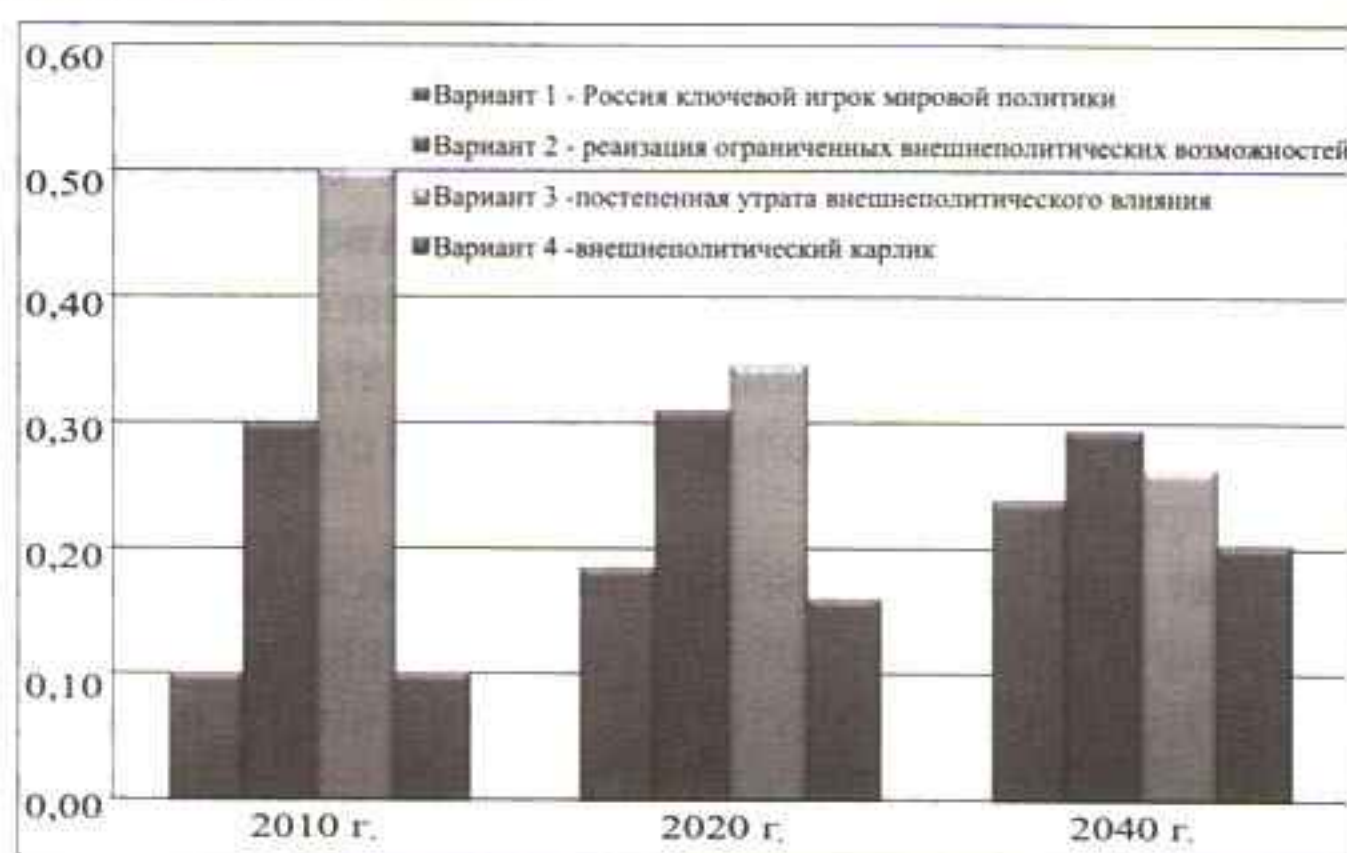

Рис. 10. Вероятности реализации вариантов по параметру «Внешняя политика» в период до 2040 г.

8. Фактор управления

Определение фактора управления охватывает в модели стратегической матрицы сферы государственного и корпоративного управления и общественного самоуправления. Далее представлены варианты эволюции системы государственного управления (табл. 8).

Вариант первый (доминирование одной партии). Достигнув высокой степени стабильности по отношению к периоду безвременья 1990-х годов, усталость населения от политических и экономических преобразований трансформируется в апатию по отношению к политической жизни страны.

Таблица 8. Варианты развития сферы государственного управления в России на период до 2040 г.

	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3	Вариант 4	Вариант 5
	Доминирование одной партии	Эффективная демократия	Политическая интеграция	Авторитаризм	Неэффективное управление
Наст. время – 2020 г.	Консолидация общества до 2010 г. (социальный контракт – сужение демократических свобод в обмен на стабильность) Проявление признаков стагнации в условиях сужения сферы конкуренции управленческих идей	Развитие нескольких дееспособных политических центров (партий) в общественной жизни страны Формирование условий конкуренции идей Усиление борьбы с коррупцией органов государственной власти	Формирование полномочных наднациональных демократических институтов единого экономического пространства Формирование единой правовой базы функционирования государств ЕЭП	Сползание к авторитарной форме правления Краткосрочное улучшение управляемости страной	Потеря устойчивости государственного управления в результате войн, природных катаклизмов, реализации низкоэффективных управленческих схем демократического типа
2020–2040 гг.	Нараствание стагнационных явлений Усиление фракционной борьбы Недееспособность оппозиции Пассивность населения Высокая уязвимость перед внешним воздействием	Построение дееспособных институтов многопартийной демократии Существенное улучшение качества государственного управления Значительное снижение уровня коррупции	Обеспечение дееспособности наднациональных структур ЕЭП Достижение целей реинтеграции части постсоветского пространства Формирование полномочного законодательного органа, единого для стран – членов ЕЭП	Реализация мобилизационного варианта развития страны Рост коррупционных явлений в системе государственного управления	Стагнационное развитие общества

Фактическая суть «социального контракта» между правящей элитой и большей частью общества – стабильность в обмен на фактический отказ от конкуренции идей в выборе стратегической линии развития страны. Складывающаяся политическая ситуация единения партии власти при полной дезорганизации оппозиционных сил является индикатором того, что пока реализация этого варианта развития функции управления является преобладающей. Условно этот вариант реализации функции управления называется «господство монопартийности».

Вариант второй (эффективная демократия). Ключевым отличием от первого варианта является развитие многопартийной системы, которая предоставляет лучшие условия для организации конкуренции идей. Большинство современных успешных экономик функционирует в условиях многопартийной демократии. Основным препятствием для перехода к данной модели управления, как представляется, будет достаточно агрессивное внешнее окружение, что, как показывает опыт даже традиционных демократий, зачастую оборачивается ущемлением некоторых демократических свобод граждан. Потенциал реализации этой формы правления значительно выше, чем у первого варианта, однако эффективность управления напрямую не вытекает из формы правления.

Вариант третий (политическая интеграция) является развитием второго, но предполагает формирование полномочных наднациональных демократических институтов единого экономического пространства, объединяющего ряд постсоветских государств. Формирование дееспособных наднациональных структур и достижение целей реинтеграции части постсоветского пространства предполагает, что

реализация функции управления будет высокоэффективной. Реализация этого варианта оставляет для страны возможности достижения сверхдержавного уровня.

Вариант четвертый (авторитаризм) предполагает, что на определенном этапе исторического развития Россия может вернуться к какому-либо типу авторитарного правления. Хотя исторически, особенно в условиях агрессивного внешнего окружения, авторитарный тип правления временами являлся достаточно эффективной формой правления, в социально-экономических условиях XXI столетия он предстает анахронизмом и экспертами рассматривается скорее как возможный временный отход с позиций демократического устройства системы управления страной, а не как возможность формирования устойчивой управленческой тенденции.

Вариант пятый (неэффективное управление) включает в себя все другие варианты, в том числе потерю государственного управления в результате войн, природных катаклизмов, различные варианты переходных форм правления. К этой же группе отнесем возможные сценарии реализации низкоэффективных управленческих схем демократического типа. По своей структуре этот вариант достаточно рыхлый, и рассматривается не столько с целью его собственного позиционирования, сколько для формирования полной группы возможного развития событий, т. е. имеет вспомогательную функцию.

В пять вариантов несовместных гипотез реализации функции управления сгруппированы возможные события, вероятность возникновения которых представлена на рис. 11.

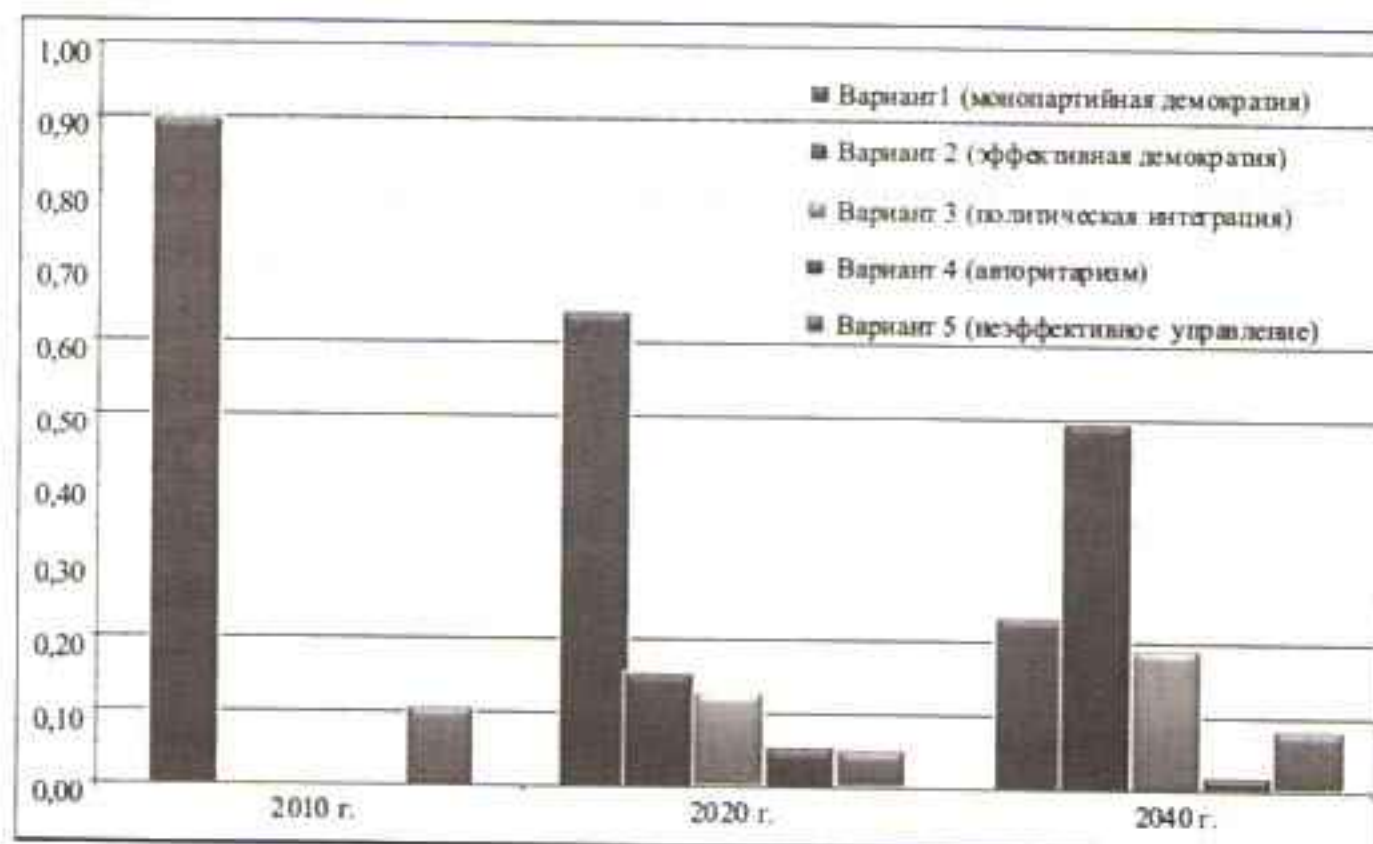

Рис. 11. Вероятности реализации вариантов по параметру «Управление» в период до 2040 г.

Полученные на основе обработки мнений экспертов результаты показывают, что до 2020 г. наиболее вероятно сохранение сложившейся системы, когда преобладает влияние одной политической силы.

Одинаковые перспективы реализации в период до 2020 г. имеют наиболее эффективные второй и третий варианты (всеобъемлющая демократия и формирование наднациональных структур), но оба они существенно уступают варианту «замороженной» монопартийности.

После 2020 г., вероятнее всего, реализуется второй вариант управления, и с вероятностью практически в два раза меньше – вариант построения интегрированного сообщества на постсоветском пространстве.

Вероятность реализации четвертого и пятого вариантов на протяжении всего периода прогноза определена как крайне низкая.

Главный вызов развития – качество и количество народонаселения

Веер сценариев народонаселения включает пять вариантов.

Первый вариант (либеральный и/или репрессивный) предполагает спонтанное развитие демографической ситуации в стране, подобно тому как это происходило в предшествующие три декады. Игнорируется необходимость активизации программ стимулирования рождаемости, демографическая политика сводится к снижению смертности и мало что делается для привлечения в страну иммигрантов. Сокращение суммарного коэффициента рождаемости в 2040 г. до 1,01–1,1 рассматривается как составной компонент улучшения качества жизни, расширения «планирования семьи» и плюрализма форм брачно-семейных отношений. При этом уменьшение к 2040 г. численности российского населения до 94,5–96,8 млн на фоне повышения благосостояния граждан не приведет к росту внутренней напряженности. На протяжении прогнозируемого периода смертность будет медленно сокращаться вследствие роста уровня жизни всех слоев населения (табл. 9).

В данном варианте прогноза, по сути, описан происходящий ныне отказ правительства и общественности от активной просемейной политики и от мощного стимулирования рождаемости.

Таким образом, в данном варианте предусматривается снижение после 2020 г. суммарного коэффициента рождаемости в соответствии с динамикой репродуктивных ориентаций населения. При этом возможны незначительные колебания миграционных потоков, укладывающиеся в модель нулевого сальдо миграции. Подобное развитие демографических событий вполне реально при наличии общественного мнения в стране, оправдывающего сложившееся положение вещей и отказ от какой-либо активной демографической и просемейной политики или же ошибочной демографической политики, построенной на репрессивных мерах.

Во втором варианте (иммиграция) рассматривается возможность проведения активной иммиграционной политики без акцента на повышении рождаемости. При норме иммиграции 0,2–0,3% от общей численности населения последнее в 2040 г. составит 100,1–115,2 млн – как минимум на 6 млн больше, чем в случае отсутствия внешней иммиграции.

Таким образом, во втором варианте до 2020 г. режим воспроизводства остается прежним, но внешние и внутренние события в стране на фоне все растущей убыли населения создают такую политическую атмосферу, из-за которой правительство в 2021–2040 гг. решается на умеренное привлечение иммигрантов из ближнего и дальнего зарубежья. Полная компенсация убыли населения в этот период невозможна. Ассимиляция «пришлых» как россиян не может быть столь же успешной, как в США, изначально ориентированных на рост в основном за счет иммиграции

и имеющих огромный по времени и методам опыт адаптации мигрантов к новым условиям жизни. Тем не менее в данном варианте за точку отсчета при определении нормы иммиграции берется сначала 0,2–0,3% от численности населения (процент США). Однако расчеты показывают способность иммиграции компенсировать лишь 20 млн потерь. Увеличение же иммиграционного притока в 3–4 раза по сравнению с принятой в данном варианте нормой является совершенно неподъемной в социально-экономическом отношении проблемой не только для России, но и для США. Не говоря уж о том, что Россия рискует превратиться в другую страну, $\frac{2}{3}$ населения которой оказались бы иммигрантами и их детьми.

Таблица 9. Сценарии развития демографической ситуации до 2040 г.

	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3	Вариант 4	Вариант 5
	Либеральный и/или репрессивный	Иммиграция как панацея	Эволюционный регресс	Перелом в 2060 г.	Интеграционный
Наст. время – 2020 г.	Отказ от активизации программ рождаемости Концентрация демографической политики на снижении смертности Пассивная иммиграционная политика	Неэффективная политика повышения рождаемости Стимулирование притока иммигрантов	Формирование программ повышения престижа семьи с 3–4 детьми, среднегодетного отцовства и материнства, семейного образа жизни вообще в сопоставлении с одиночно-холостяцким Демографическая политика для свободных людей в свободном обществе Численность населения к 2020 г. – 140 млн человек	Удержание уровня рождаемости на показателе 1,3	Активное развитие интеграционных процессов на постсоветском пространстве Гибкое использование трудовых ресурсов единого экономического пространства
2020–2040 гг.	Сокращение суммарного коэффициента рождаемости в 2040 г. до 1,01–1,1 Приоритет программам «планирования семьи» Расширение плюрализма семейно-брачных отношений	Активная политика привлечения иммигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья Численность населения страны к 2040 г. – 100,1–115,2 млн человек	Численность населения к 2040 г. – 128,9 млн человек	Поднятие уровня рождаемости до 1,8 к 2040 г.	Повышение социального оптимизма и, как следствие, улучшение демографических показателей

В третьем варианте (эволюционный регресс) делается ставка на демографическую политику «для свободных людей в свободном обществе», т. е. в обществе, где каждый сам выбирает собственные линии социального поведения, в том числе репродуктивного. Здесь предусматривается повышение престижа семьи с 3–4 детьми, среднегодетного отцовства и материнства, семейного образа жизни вообще в сопоставлении с одиночно-холостяцким.

Одновременно, предлагаемая модель среднегодетной семьи (как альтернатива малодетной) мощно поддерживается экономическим стимулированием в рамках

программы ДНК (доходы–налоги–кредиты). Просемейная политика общества связана с выравниванием положения института семьи среди других социальных институтов, с переориентацией общественного мнения, экономики, социальной сферы, деятельности правительства, политических партий, средств массовой информации на трехдетную семью. Итогом реализации этого варианта может быть совпадение с тенденцией «среднего» варианта ООН, т. е. численность населения России по этому варианту составит примерно 140,6 млн человек в 2020 г., 128,9 млн человек – в 2040-м.

Четвертый вариант (перелом – 2060 г.) базируется на предположении, что до 2020 г. удастся удержать суммарный коэффициент рождаемости на уровне минимум 1,3, а потом – поднять его до 1,5 в 2030 г. и до 1,8 в 2040 г. Этот уровень рождаемости сократит темпы убыли населения и даст возможность перелома депопуляции на рубеже 2060 г.

Пятый вариант (интеграционный) решения демографической проблемы связан с развитием интеграционных процессов на постсоветском пространстве. В принципе, в этом варианте нет ничего нового. В частности, интеграционные процессы в Европейском союзе не в последнюю очередь связаны с необходимостью решения демографической проблемы. Соответственно объединение Европы создает условия для сохранения мирового политического и экономического влияния Старого света, в том числе и за счет демографического укрупнения.

Аналогичным образом объединение какой-то части государств постсоветского пространства позволило бы снизить остроту демографической проблемы как за счет более гибкого использования человеческих ресурсов (поскольку проблема депопуляции характерна не только для России, но и для других государств постсоветского пространства), так и за счет формирования более благоприятных социальных условий, что может положительно сказаться на рождаемости.

Если аналогичных тенденций удастся достичь в других странах Евроазиатского сообщества, то в зависимости от его политико-экономической конфигурации численность населения в рамках сообщества может составить свыше 200 млн человек. Это – уровень великой демографической державы в верхнем ее спектре (6–7 единиц).

Таким образом, фактически только пятый вариант оставляет России возможность сохранения статуса полноценного великого государства в составе наднационального Евроазиатского сообщества.

Определенный оптимизм внушает и четвертый вариант, предполагающий преодоление тенденции депопуляции к 2060 г. и возвращение России к 2080 г. к нижней границе уровня великого государства в демографическом измерении.

Остальные варианты ведут к падению статуса России в демографическом измерении после 2040 г.

В третьем варианте наименьшая убыль населения достигается в 2080 г., а ликвидация депопуляции переносится на XXII в. При этом для перехода к простому воспроизводству населения в 2080 г. активную просемейную политику стимулирования рождаемости надо начинать уже сейчас. Отсутствие такого рода решений отодвигает решение проблемы убыли российского населения на следующий век, но риск распада страны сделает к тому времени эту тему устаревшей.

Третий вариант принципиально отличается от второго, где сохраняется депопуляционный режим воспроизводства населения, а манипуляции с иммиграционными потоками обслуживают текущие нужды правящих элит. При этом варианте создается режим расширенного воспроизводства населения за счет усиления потребности в детях и многократного (до 50%) увеличения доли трехдетных семей в структуре браков. Однако конструирование подобного режима позднее 2010 г. благодаря лаговому эффекту социальных норм малодетности и «плохой» демографической структуры, сложившейся в эпоху сверхнизкой рождаемости, не позволит устранить убыль населения в XXI в. даже с учетом небольшого иммиграционного притока.

Второй вариант показывает неизбежность сокращения численности населения, несмотря на усилия по привлечению мигрантов из других стран, поскольку продолжается ослабление потребности в детях и, как следствие, спад рождаемости. «Заманивание» иммигрантов, особенно репродуктивного возраста, потребует огромных капиталовложений, видимо, более значительных по сравнению с инвестированием в стабильную семью с тремя детьми. Но его внешне обманчивая привлекательность для правительства заключается в том, что приезд иностранцев чисто количественно делает менее заметной убыль населения. Следует учесть, что иммиграционная политика способна компенсировать лишь незначительную часть естественной убыли населения.

Первый вариант является наиболее негативным, так как связан с полным отказом от осуществления демографической политики либо с ее проведением на основе принуждения населения к определенным моделям репродуктивного поведения (запрет на аборт и разводы, ограничение свобод населения, предпочитающего холостяцкий и, увы, однодетно-разводный образ жизни, штрафы за «неудобное», например гомосексуальное, поведение и т. д.).

Отказ от активной демографической политики приведет к вымиранию наций под лозунгом скорейшего перехода к «золотому миллиарду». Латентно этот вариант содержит международное соглашение между демографически разнородными лагерями уже депопулирующих и пока еще не депопулирующих наций. Достижение такого политического равновесия весьма проблематично и невероятно в ближайшее время, особенно в связи с ростом терроризма. Данный вариант довольно условен, если не фантастичен, не только с демографической точки зрения, но и с социально-политической. Отсутствие у лидеров государств беспокойства по поводу вымирания населения их стран, отказ от политических мер нейтрализации депопуляции возможны лишь на протяжении двух-трех десятилетий – пока для всех не станут очевидными негативные последствия отрицательного естественного прироста. Только активизация мальтузианских и феминистских организаций способна оправдать бездействие и полное подчинение разрушительной тенденции.

Применение репрессивных мер при авторитарном правлении в силу неэффективности подобной политики и углубления депопуляции будет вести к дальнейшему ужесточению власти, балансирующей на грани государственного распада по мере приближения к численности населения страны 40–50 млн. В государстве с самой низкой плотностью населения в мире и с самой большой площадью территориальная целостность может сохраняться лишь при наращивании военной мощи.

В связи с этим возможно финансирование исследований в области биотехнологий в целях создания «репродуктивных реакторов», призванных не только восполнить потери в убыли населения, но и обеспечить также мощный прирост его численности. Хроническая депопуляция, явно несущая угрозу национальной безопасности, может стимулировать быстрое и успешное развитие генетической технологии.

Конечно, найдутся и еще какие-то другие способы предотвращения депопуляционного краха государства, но здесь следует подчеркнуть, что для возникновения в обществе соответствующей атмосферы, позволяющей искать необычные методы компенсации вымирающего населения, для начала в нем должна прижиться и стать общепризнанной идеология спасения страны в кратчайшие сроки.

Вероятности реализации различных вариантов изменения демографической ситуации в России представлены на графике (рис. 12).

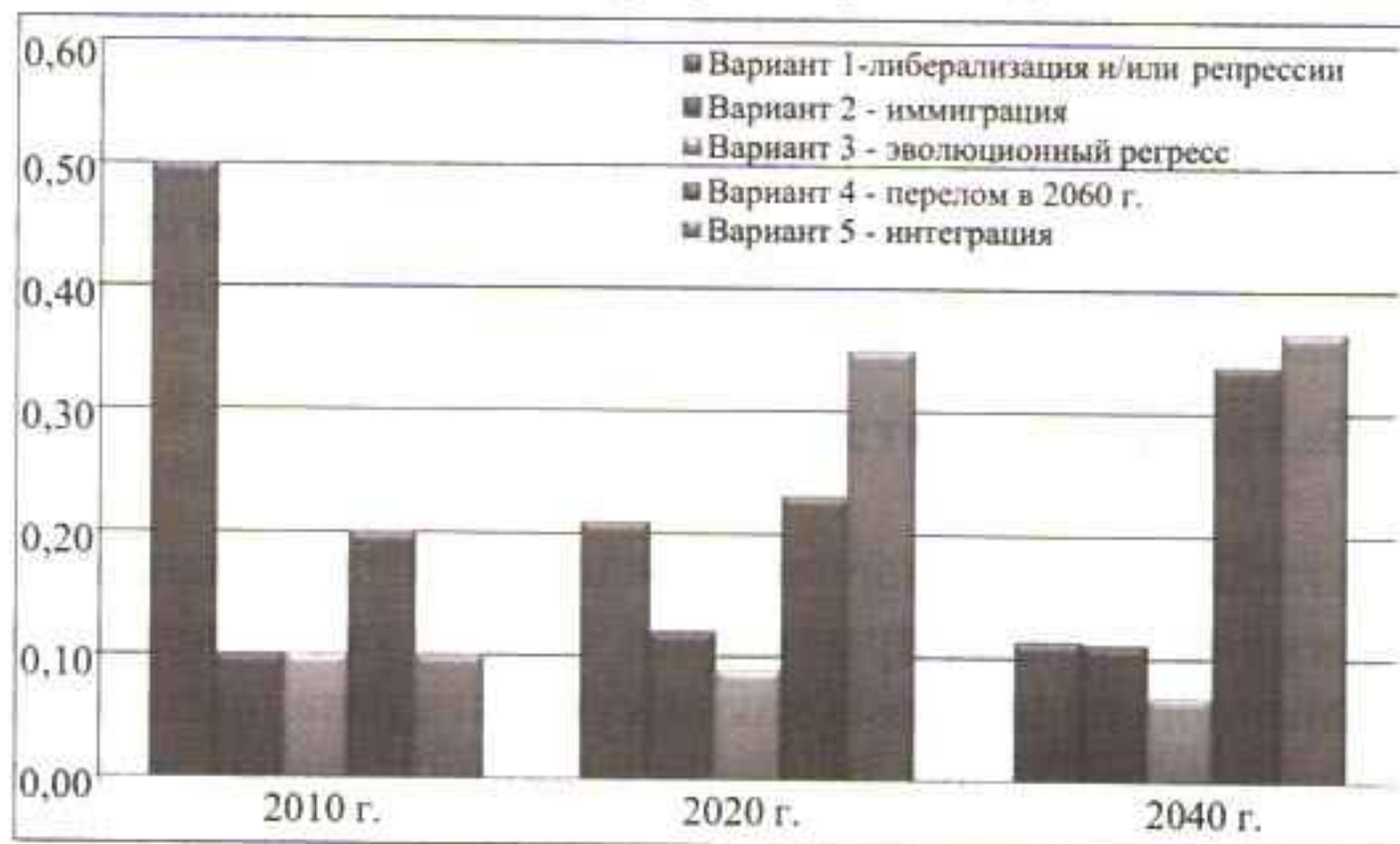

Рис. 12. Вероятности реализации вариантов по параметру «Население» в период до 2040 г.

Следует также отметить, что отказ от «вмешательства» фактически соответствует дальнейшей деградации института семьи, не выполняющего своих функций по рождению, содержанию и воспитанию нескольких детей. На деле реализуется сейчас один из них – декларативная политика полумер, важных, но абсолютно недостаточных и не отражающих глубины демографической катастрофы. Она – не только в продолжающейся депопуляции населения, но и в том, что даже для критически важных сегментов занятости (Вооруженные Силы, правоохранительные органы, стратегически важные и технологически потенциально опасные объекты и др.) уже сейчас ощущается дефицит не просто подготовленных, но физически и психически здоровых кадров. Когда же она будет во всей остроте осознана не только отдельными деятелями или экспертами, но всем обществом, когда сложится адекватное понимание этого вызова, то придется от нынешнего демографического либерализма переходить к очень жесткой репрессивной демографической политике, независимо от политических убеждений власти.

Депопуляция, деградация здоровья, появление новых эпидемий старых и новых болезней будут происходить на фоне кризиса расселения. Здесь выбор тоже будет сделан страной в лице миллионов ее граждан – либо в пользу сценария преимущественного роста Москвы и некоторых других городов (в результате вслед за исчезнувшими за последние 15 лет почти 20 тыс. населенных пунктов последуют в небытие еще десятки тысяч); либо сложится более гармоничная структура расселения.

По сути, депопуляционная политика ведет к сокращению численности населения в два раза уже через 50 лет и в три раза – к 2080 г. К тому же это политика экономических противоречий между потребностью в рабочей силе и уменьшением численности трудовых ресурсов, между потребностью в росте производительности труда и тенденцией к экономическим спадам из-за сворачивания многих видов производства в условиях старения населения и падения рождаемости.

Таким образом, для сохранения и возрождения российской цивилизации и его главной составляющей – народонаселения – необходимо радикально изменить вектор социальной политики. Только тогда будет обеспечена здоровая основа для экономического роста, который сам по себе не является самоцелью. Обобщающий демографический показатель – смягчение депопуляции – должен стать определяющим в оценке эффективности деятельности государственных органов всех уровней.

Сценарии глобального развития

Иногда субъектов глобальных сценариев отождествляют с названиями государств. До определенного времени это было правомерно. Однако уже во второй половине XX в. вслед за теоретиками «империализма как высшей стадии» президенты США Д. Эйзенхауэр и Дж. Кеннеди публично признали наличие мощных центров силы внутри США, сравнимых по своему влиянию с госаппаратом, если не превосходящих его. Рассматривая государство, доминирующее над другими, как империю, Дж. Перкинс выделяет несколько признаков: 1) эксплуатация ресурсов территорий, над которыми оно доминирует; 2) потребление непропорционально большого объема ресурсов; 3) наличие мощных вооруженных сил и использование их как политического инструмента, когда не оправдывают себя более завуалированные методы; 4) стремление к насаждению своего языка, культуры, искусства и традиций на всей территории влияния; 5) обложение налогами помимо собственного населения жителей и других стран; 6) насаждение своей национальной валюты на контролируемой территории [Перкинс 2008, с. 19–20]. США в полной мере удовлетворяют этим признакам. Но при этом империей США «управляет группа лиц, коллективно действующих почти так же, как единоличный правитель» [Там же, с. 21], или «корпоратократия».

В нашем контексте это уточнение может показаться избыточным, но необходимым, поскольку подчеркивает важность дезагрегированного анализа стратегий поведения различных игроков в международных отношениях и учета особенностей самоидентификации этих игроков, их картины мира, а также более сложной игровой конфигурации, нежели в плоскости «страна-страны». Реальный ландшафт властных возможностей в мире может существенно не совпадать с общепринятыми представлениями и кодифицируемым правом.

Именно поэтому движущими силами сценариев глобального развития выступает сложная конфигурация игроков, из взаимодействия которых складывается исторический ход событий.

Сценарий жесткой глобализации основывается на предположении, что основные центры силы Евroatлантического сообщества (США и ЕС) будут выступать единой коалицией в процессе трансформации системы международных отношений и мировой экономической системы. Фактически этот сценарий означает успех стратегии однополярного миропорядка. Экономическим результатом внедрения этой модели может стать фиксация при помощи экономических и внеэкономических методов монополии Запада на развитие высоких технологий, в том числе в сфере финансов, и извлечение соответствующих рентных доходов, в то время как странам остального мира будет отведена вспомогательная роль и функции доноров, плательщиков различных видов рентных доходов, прежде называвшихся данью. В зависимости от специфики стран их функциями могут быть поставка сырья, трудовых ресурсов, размещение на своей территории вредных производств, организация природных заповедников с целью поддержания надлежащего мирового природного баланса, явное или скрытое кредитование «эмиссионного центра» мировой резервной валюты и т. д.

Данный сценарий предполагает, что в военной области отрыв США и стран Запада от всего остального мира в военно-технологическом плане резко возрастет. С большой вероятностью будут сняты пока еще остающиеся ограничения на использование военной силы для обеспечения интересов США и Евroatлантического сообщества в целом.

Воплощение сценария жесткой глобализации предполагает практически с неизбежностью кризисный фон развития международной обстановки. Для сохранения своего лидерства Соединенные Штаты с высокой вероятностью должны провоцировать глобальную напряженность через политику «управляемых конфликтов», «сброса в хаос», «непредсказуемого реформирования правил игры» и т. д. Ярким примером такого провоцирования «хаоса» и управления им является современный финансово-экономический кризис.

Основным риском такого сценария является то, что недовольство элит традиционных и новых центров силы своим несuverенным статусом будет нарастать, приводя к открытым и завуалированным попыткам расшатать монополярный миропорядок. Яркими примерами в этом смысле являются Венесуэла, Куба, Никарагуа, Иран и Северная Корея. Их эпатаж в мировой политике вряд ли был бы возможен без поддержки более крупных мировых игроков, в том числе и действующих в составе доминирующей коалиции. Несомненным ограничителем полномасштабного развертывания данного сценария является и внутренняя оппозиция ему в самих США.

Вместе с тем в долгосрочной перспективе лидерство высокоразвитых государств начала XXI в. может быть подорвано неблагоприятными для них демографическими тенденциями и их следствиями. Так, в значительной степени «состарится» (более 40% населения в возрасте 60 лет и старше) и сократится население европейских стран (например, Германии – с 82 до 71 млн) и Японии (со 127 до 109 млн). При этом население относительно «молодых» (около 30% в возрасте

60 лет и старше) Китая, Индии и Ирана возрастет соответственно с 1290 до 1460 млн; с 1030 до 1570 млн; с 68 до 121 млн человек.

Восполнение трудовых ресурсов может идти только за счет расширения внешней миграции, что создает серьезную угрозу сохранению культурной самобытности. В отличие от Старого света, в США, очевидно, произойдет значительный рост (с 281 до 397 млн человек) и омоложение населения преимущественно за счет мигрантов из Латинской Америки, что приведет к коренному изменению национально-расовой структуры американского общества.

Исходя из этого государства Евроатлантического сообщества будут стремиться в полной мере задействовать технологическое и военное преимущество над остальным миром для максимально долгого закрепления своего лидерства в условиях неблагоприятной демографической и экономической ситуации. Для удержания лидерства и управления остальным, «ресурсообеспечивающим» миром Западу может потребоваться выстраивание жесткой иерархической структуры. Инструментами реализации такой политики будут выступать торговые войны, различные режимы, препятствующие развитию высоких технологий за пределами Евроатлантического сообщества и широкое использование механизмов силовой коррекции обстановки.

В частности, на неформальном уровне в среде западной элиты активно обсуждаются различные варианты решения демографической проблемы развивающихся стран – от внедрения программ насильственной стерилизации до провоцирования серии военных конфликтов. Например, гипотетически рассматривается возможность военного конфликта с ограниченным применением ядерного оружия между Индией и КНР. В этом контексте может рассматриваться и гипотетический региональный военный конфликт между Россией и Китаем.

Ресурсы для проведения геэкономических войн будут изыматься из жертв «нового колониализма», к числу которых станут относить большинство развивающихся государств. Россия, сохраняющая умеренные темпы экономического роста и одновременно сокращающая численность населения, но имеющая значительный ресурсный потенциал, по всей видимости, будет рассматриваться США, ЕС и Китаем в качестве одного из объектов проведения политики «нового колониализма».

Борьба за доступ к российским ресурсам и ресурсам других постсоветских государств между ЕС, США и Китаем поставит под угрозу контроль Российской Федерации над имеющимися и перспективными магистральными путями энергоносителей, прежде всего каспийских и центральноазиатских углеводородов.

При этом ведущие державы будут активно поддерживать дезинтеграционные процессы в Содружестве Независимых Государств, чтобы не допустить возрождения под эгидой Российской Федерации мощного межгосударственного объединения с единым оборонно-стратегическим и народно-хозяйственным комплексом.

Что касается России, то в случае успеха сценария «жесткой глобализации» интегральный статус силы России уменьшится вдвое по сравнению с нынешним уровнем. Придется либо вынужденно, в обстановке цейтнота и отсутствия кадров, срочно переходить на мобилизационную схему модернизации экономики («иначе нас сомнут»), либо задумываться об условиях почетной сдачи суверенных пози-

ций, раздела страны на зоны влияния и передачи этих зон под протекторат США, НАТО, Китая, Японии.

Сценарий умеренной глобализации. Он базируется на предположении о том, что относительная мощь США будет снижаться, а Европейский союз и Китай существенно усилят свою роль в мировой экономике, приближаясь в военно-технологическом плане к США. При этом на рубеже веков только США полностью или почти полностью имели производственные возможности по 84 критическим технологиям. Германия, Франция, Китай, Россия – соответственно по 60, 68, 14, 44 [Bernard 1999, p. 171].

При благоприятных условиях Япония, Индия и Россия также способны проводить самостоятельную геополитическую стратегию. Формирование самостоятельной латиноамериканской и, условно говоря, «исламской» коалиций присутствия глобальных игроков в данном сценарии не предполагает.

Одной из версий данного сценария является формирование временной или долгосрочной мегакоалиции нескольких центров силы глобального и регионального масштаба, но реализация подобного сценария станет возможной лишь в случае, если жесткость внешней политики Вашингтона превысит определенный порог.

Россия при реализации этого сценария совместно со своими партнерами имеет шанс выйти на позиции одного из мировых экономических и геополитических лидеров. Обязательное условие этого – способность выступить консолидирующим центром интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Для сохранения контроля над своими территориальными и природными ресурсами России следует существенно усилить показатели управления, внешней политики, науки и образования. Интегральный показатель силы России несколько вырастет.

Сценарий возрастания роли регионов основывается на допущении, что главной тенденцией в международных отношениях станет формирование конкурирующих между собой торгово-экономических зон, крупнейшими из которых будут североамериканская и азиатско-тихоокеанская, а также ЕС. Соперничество между ними по мере выравнивания их экономической мощи усилится – они будут вести борьбу за рынки, спорные территории и ресурсы. Необходимым условием реализации такого сценария является обострение торговых войн и неэффективность механизмов ВТО, вплоть до его распада.

Данный сценарий подразумевает возникновение относительно самодостаточных субглобальных экономических систем, взаимодействие которых на межблочном уровне ограничено. В реальности процессы развития механизмов «таможенного разоружения», соглашений о свободной торговле на двусторонней и региональной основе стремительно развиваются в последние 20 лет на фоне эрозии механизмов международной торговли. О масштабе развития региональных институтов торговли свидетельствует число зарегистрированных в ВТО региональных торговых соглашений: на начало 2008 г. их существовало около 400.

Если Россия в рамках данного сценария не сможет добиться сильного влияния на постсоветском поле, то она станет ареной открытой и весьма жесткой экспансии со стороны других метарегиональных группировок.

В рамках данного сценария рассматриваются два варианта – позитивной и негативной регионализации.

Позитивная регионализация. Реализация данного сценария может включать следующие события: ускоренную динамику процесса объединения России, Беларуси, Казахстана и других постсоветских государств в единое союзное государство или форсированный интеграционный процесс на базе ЕврАзЭС и ОДКБ; формирование дееспособных наднациональных органов в рамках единого экономического пространства. Данный сценарий подразумевает обострение глобальных торговых и финансовых противоречий. Эта конфликтность после 2010 г. может вызвать изменение формата функционирования ВТО – от межгосударственного экономического регулирования к преимущественно межблоковому. Далее усилятся интеграционные процессы внутри основных экономических региональных группировок при общем ослаблении влияния глобализационных структур.

Надо сказать, что при реализации данного сценария ожидается существенный рост мощи России, превышающий сценарий умеренной глобализации по всем основным показателям.

Негативная регионализация. Для данного сценария вариант возможных событий во многом повторяет рисунок сценария жесткой глобализации. Это, в частности, отказ ряда стран СНГ от интеграционных планов, включая утверждение преимущественно прозападной ориентации Украины и отказ Беларуси от создания союзного государства с Россией.

Кроме того, данный сценарий характеризуется такими возможными и знаковыми событиями, как размещение американских или НАТОвских сил на территории ряда постсоветских государств (Грузии, Украины, Армении, Азербайджана и др.) под прикрытием задач урегулирования конфликтов в этих регионах. Окончательным этапом трансформации европейской части постсоветского пространства может стать включение Украины, Грузии и Азербайджана, а также Беларуси, Молдовы и Армении в структуры НАТО. Приближение НАТО к Каспийскому региону создаст серьезное давление на внешнеполитический курс Казахстана, Узбекистана и Туркмении. Как результат, дезинтеграция постсоветского пространства таит существенный риск расформирования или выхолащивания интеграционного потенциала ОДКБ и СНГ.

При таком сценарии Россия может утратить суверенный контроль над нефтегазовым и транспортным комплексом, другими стратегическими областями, включая кредитно-денежную систему, воздушное пространство и радиочастотный ресурс страны. Управление над ним полностью сосредоточится в руках транснациональных корпораций с участием, как обычно, заангажированных внутрироссийских игроков. Это будет частью процесса по превращению России в рыхлую конфедерацию (в результате деятельности сепаратистских группировок в национальных автономиях) и ослабления центральной власти. Может распространиться практика ввода контингента иностранных войск на территорию России в случае нестабильной социально-политической обстановки. Сложное внутривнутриполитическое положение станет основой требований Запада, поддержанных Китаем, о передаче международным силам контроля над российским ядерным оружием, под надзором которых оно будет уничтожаться.

Все эти события спровоцируют ситуацию, в которой Россия вынуждена будет согласиться на переход к Японии контроля над Сахалином и Курилами. Национальные автономии России на Северном Кавказе будут отданы под международный протекторат. Утраты суверенитета произойдут и на других направлениях, включая Арктику.

В рамках этих сценарных геополитических трансформаций Россия утратит статус одного из мировых центров силы.

При всей кажущейся фантастичности подобного поворота событий для сознания современного россиянина стоит отметить, что существует обширная база проектов, юридически обосновывающих расчленение и подчинение России различным глобальным игрокам. Только разных территориальных конфигураций административно-политического деления России на несколько стран известно не менее 30.

О фундаментальности такой угрозы для России всего лишь три года назад публично высказался ее нынешний Президент.

Менее века назад и Россия, и другие крупнейшие государства, в том числе имперского типа, пережили государственные катастрофы, и почти все они перестали существовать как «геополитические реальности». Всего лишь менее 70 лет назад вопросы конфигурации господствующих сил на планете практически повсеместно решались в жестокой мировой войне. Два послевоенных десятилетия дали импульс независимости почти 100 стран, создав новые, более завуалированные формы колониальной эксплуатации. Менее 20 лет назад коллапс СФРЮ и СССР привел к образованию более 15 новых государств и к серьезному изменению и усложнению сфер и форм геополитического и геоэкономического влияния. Новая волна расшатывания мирового порядка, опирающегося на результаты Ялтинского соглашения и Вестфальского миропорядка, стала набирать силу с началом текущего века. События 9 сентября в США, оккупация Ирака и Афганистана, сепаратизация Косово, военный конфликт в Закавказье, ситуация в Латинской Америке, бессилие ООН, жесткое манипулирование мировым общественным мнением со стороны глобальных СМИ – это маркеры перехода к новому миропорядку, усложнению, хаотизации, смене форматов международных отношений и мировой экономики.

К рубежу 2070–2080 гг. очертания территории России во многом будут совпадать с ее границами начала XVI в. (без Сибири и Дальнего Востока, с небольшим отрезком береговой полосы на побережье Финского залива в районе Санкт-Петербурга). Государственная граница на юге будет проходить по существующим административным границам с национальными автономиями. Статус России по второй половине текущего века стабилизируется на уровне третьеразрядной европейской страны со слабой экономикой, ориентированной на поддержание транспортных коммуникаций по доставке ресурсов из Сибири и Дальнего Востока в Западную Европу.

Основные показатели мощи России упадут более чем в два раза.

Сценарий «Хаос», по сути, объединяет в себе несколько сценариев катастрофического развития, которое может быть спровоцировано различными факторами. В качестве примера можно рассмотреть возможность усиления террористической деятельности (теракты против предприятий ядерной и химической промышленности, получение террористами широкого доступа к производству оружия массового

поражения) до таких масштабов, при которых экономика крупнейших центров современного мира окажется в состоянии коллапса. Сетевая структура терроризма охватит многие страны.

Другими факторами, которые способны спровоцировать подобное развитие событий, могут стать и природные аномалии (реализация худших сценариев «парникового эффекта», космическая катастрофа, серия крупных землетрясений, извержений вулканов, ураганов и т. д.), и глобальный финансовый коллапс, и крупномасштабный военный конфликт.

Прогнозировать, как при таком сценарии будет меняться конфигурация основных центров интегральной мощи, в данной работе нецелесообразно.

Реальное течение мировых событий содержит, как отмечалось, элементы всех сценариев. Однако ретроспективно после распада СССР отчетливо прослеживаются период доминирования характеристик, присущих варианту «жесткой глобализации», – вплоть до 2004 г., когда доминанта сдвинулась в пользу сценария «умеренной глобализации». Эмпирическими маркерами этого сдвига стали нарастающие трудности, с которыми столкнулись США на Ближнем и Среднем Востоке, в Латинской Америке и в Китае, серьезное ослабление положения доллара как мировой валюты, развивающийся глобальный экономический кризис, уменьшение роли международных политических и экономических институтов. В настоящее время очевидны повышение неопределенности глобальной ситуации с тенденцией к смене сценарной доминанты в пользу сценария регионализации.

Литература

- Агеев А.И. Россия в пространстве и времени: стратегии и циклы / Избранные лекции университета СПбГУП, 2005. Вып. 29.
- Агеев А.И., Куроедов Б.В. Особенности применения методологии стратегической матрицы при прогнозировании развития государства (на примере России и Китая). 2-е издание. М.: ИНЭС, 2008.
- Агеев А.И., Куроедов Б.В., Мэтьюз Р., Сандаров О.В. Методология стратегической матрицы, М.: ИНЭС, 2004.
- Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 ведущих стран мира / под научной редакцией: проф. А. Агеева (Россия), проф. Г. Менша (Германия), проф. Р. Мэтьюза (Великобритания). М.: ИНЭС, 2008.
- Кузык Б.Н., Агеев А.И., Доброчеев О.В., Куроедов Б.В. Россия в пространстве и времени. М.: ИНЭС, 2004.
- Мэтьюз Р., Агеев А., Большаков З. Новая матрица, или логика стратегического превосходства. М.: ОЛМА-ПРЕСС; Институт экономических стратегий, 2003.
- Перкинс Дж. Тайная история американской империи. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008.
- Ageev A. Cyclicity of Strategic Challenges in Russian History and Development Scenario for the 21-st Century // Kondratiev Waves, Warfare and World Security / T.C. Devezas (Ed.). IOS Press, 2006
- Bernard D.C., Godwin P.H.B. Advanced Military Technology and the PLA: Priorities and Capabilities for the 21 st Century // The Chinese Armed Forces in the 21st Century. Carlisle: U.S. Army War College, 1999.